

Джемс Виллард Шулц,

**ОШИБКА
ОДИНОКОГО
БИЗОНА**

Джеймс Виллард Шульц

ОШИБКА
ОДИНОКОГО
БИЗОНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

JAMES WILLARD SCHULTZ

LONE BILL'S MISTAKE

Перевод с английского
А. В. КРИВЦОВОЙ

Джемс Виллард Шульц (1859—1947) многие годы прожил среди индейцев Северной Америки у племени сиксикю (черноногие). Темы его замечательных правдивых книг, проникнутых необыкновенной теплотой к коренным обитателям американского континента, почерпнуты непосредственно из жизни индейцев, из их преданий и легенд. Одной из таких книг является и повесть «Ошибка Одинокого Бизона».

Художник Л. М. ГОЛЬДБЕРГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было мне четырнадцать лет, а сестре моей Нитаки тринадцать, когда настал этот тяжелый день, памятный всем нам. Но в этот день мы и не подозревали, какие невзгоды, какую беду навлекут на нас гордость, гнев и непреклонность моего отца. Как ты сам узнаешь, все это случилось по его вине.

В месяц Новой Травы мы, пикуни, или южные черноногие, как называете нас вы, белые, стояли лагерем на берегу реки Титона, неподалеку от холмов, которым мы дали имя «Четверо». Много нас было в те дни; в лагере насчитывалось восемьсот вигвамов, приютивших до четырех тысяч мужчин, женщин и детей.

И потому, что было нас так много, праотцы наши сообща выработали ряд правил, касавшихся охоты, и правилам этим подчинялись все. Вот одно из них: когда все племя нуждалось в большом количестве бизоньих шкур для одежды или новых вигвамов, охотник не имел права выходить один на охоту, так как он мог спугнуть стада бизонов, которые паслись в окре-

стностях лагеря, и лишить других охотников добычи. Был у нас такой обычай: старшины племени приказывали юношам следить за бизонами, и если какое-нибудь стадо приближалось к лагерю, разведчики немедленно сообщали об этом старшинам. Затем лагерный глашатай объезжал все вигвамы и от имени вождя приказывал всем охотникам седлать лошадей и явиться на место сбора — к вигваму вождя. Сам вождь возглавлял отряд охотников. На быстрых конях они долго преследовали убегающее стадо, а по окончании охоты равнина бывала усеяна тушами убитых бизонов.

Суровая кара грозила тому, кто нарушал правила охоты. По приказу вождя отряд Ловцов, входивший в союз братств Друзья, наказывал виновного. Ловцы срывали с него одежду, били его хлыстом, а иногда разрушали его вигвам и убивали лучших лошадей. И все считали наказание заслуженным, так как существование нашего племени зависело от удачной охоты на бизонов. Эти животные всегда доставляли нам пищу, кров и одежду.

Однажды, в месяц Новой Травы, кто-то из воинов пожаловался старшинам на недостаток шкур для вигвамов: многие охотники, охотившиеся поодиночке, спугивали стада и лишали своих товарищей добычи. Старшины выслушали жалобы и немедленно приказали глашатаю объявить всему лагерю о запрещении охоты на неопределенное время. Тотчас же посланы были на разведку юноши из отряда Носители Вбрана, — на их обязанности лежало следить за стадами бизонов, которые паслись на равнинах, и ежедневно докладывать старшинам о передвижении отдельных стад.

Мой отец сидел в нашем вигваме, когда мимо проехал глашатай, выкрикивавший приказ старшин и напоминавший о каре, которая ждала всех ослушников.

— Ха! Эти старшины только и делают, что отдают нам приказания, словно мы дети! — воскликнул отец. — Не боюсь я их угроз и на охоту пойду, если захочу.

Думали мы, что он шутит, но дня через два он вдруг спросил мою мать:

— Сисаки, много ли осталось у нас мяса?

— Сегодня утром мы съели последний кусок свежего мяса, а сушеного осталось еще на один день, — отозвалась мать.

— Отлично! Будем сидеть сложа руки, пока не кончатся все наши запасы, а затем отправимся на охоту. Моей жене и детям я привезу много мяса, хотя бы пришлось мне нарушить все правила охоты.

— О муж мой! Подумай, как накажут тебя Ловцы, если ты ослушаешься старшин! Не нарушай приказа. Мяса в лагере много. Я возьму несколько кусков у наших родственников и друзей.

— Ха! Эти Ловцы не посмеют меня тронуть! — воскликнул отец. — Послезавтра я пойду на охоту. А тебе я запрещаю просить мяса у наших друзей. Никогда и ни у кого мы не брали съестных припасов и брать не будем.

— Но вспомни, сколько раз соседи обращались ко мне за помощью! Я им давала мясо, жир и даже пеммикан*. А теперь мы впервые нуждаемся в помощи, и, конечно, они нам не откажут.

— Если бы мы умирали с голоду, все равно я не позволил бы тебе брать у них мясо, — заявил отец. — Всегда меня считали хорошим охотником, который может прокормить семью. С того дня как мы с тобой поселились в одном вигваме, не было у нас недостатка в съестных припасах, и этим я гордился. Быть может, я хвастал своей удачей на охоте, но все знают, что нет мне равного во всем лагере. Да, жена, много зим прожили мы с тобой вместе и будем дальше так жить, ни к кому не обращаясь за помощью. Даже к братьям твоим или моим я запрещаю тебе идти. Говорю в последний раз: если вождь не поведет всех воинов на охоту за бизонами, я послезавтра пойду охотиться один. Я все сказал.

Конечно, решение, принятое отцом, встревожило не только мою мать, но и нас с сестрой. Когда он вышел из вигвама, чтобы вести на водопой наш табун, мать долго плакала и повторяла снова и снова, что нам не миновать беды. Одна была у нас надежда: быть может, большое стадо бизонов приблизится к нашему лагерю, и вождь поведет на охоту всех мужчин нашего племени.

На следующее утро караульные донесли, что на открытой равнине к югу от реки пасется очень большое стадо, но нет возможности незаметно к нему приблизиться. О, как хотелось нам, чтобы за ночь это стадо передвинулось на север, к реке! Но надежды наши не сбылись. На рассвете лагерный глашатай объявил, что стадо по-прежнему пасется в центре равнины. Снова повторив приказ старшин, он убеждал охотников терпеливо ждать.

Когда он проехал мимо нашего вигвама, отец засмеялся. Жутко нам было слушать этот смех.

— Ха! Они запрещают нам идти на охоту, а у нас в вигваме не осталось ни куска мяса! Они приказывают нам быть терпеливыми и голодать! Ну, что ж! Пусть другие охотники повинуются старшинам, но уж я-то раздобуду свежего мяса. Да, Одинокый Бизон идет на охоту и берет с собой Черную Выдру.

Черной Выдрой называли меня, когда я родился. Лишь много лет спустя заслужил я другое имя — Вождь Вигвамный Шест, которое ношу и по сей день.

* Сушеное, растертое в порошок мясо, спрессованное с жиром. — *Прим. перев.*

— О муж мой, пожалей меня — взмолилась мать. — Если ты любишь наших детей, если любишь меня — не ходи на охоту! Останься здесь, с нами, пока вождь не снимет запрета.

— Да! Остаться здесь и голодать или просить помощи у соседей! Люблю я и тебя и детей. Вот потому-то и иду на охоту. Черная Выдра, ступай, пригони табун!

Я взглянул на мать, надеясь, что она заступится и запретит мне идти на охоту. Но она покрыла голову одеялом и заплакала. Знала она, что отца не заставишь изменить решение.

Взяв веревку, я вышел из вигвама, поднялся на равнину, у склона которой раскинулся лагерь, и погнал наш табун на водопой. В то время было у нас больше ста голов. Отец ждал меня у реки. Поймав двух быстрых лошадей, приученных к охоте на бизонов, он выбрал лошадей и для меня. Мы их оседлали и пересекли лагерь, держа путь на запад. Когда мы проезжали мимо вигвама Белой Антилопы, начальника отряда Ловцов, он показался у входа и спросил, куда мы едем. Мой отец смотрел прямо перед собой и ничего ему не ответил, словно не видел его и не слышал. Несколько раз я оглядывался: Белая Антилопа смотрел нам вслед, — должно быть, он решил узнать, куда и зачем мы едем.

Выехав из лагеря, мы повернули на юго-запад, к холмам, лежащим у подножия Спинного Хребта Мира*. Проезжая мимо одного из холмов Четверо, мы увидели на его вершине караульного из отряда Носители Ворона. Знаками приказывал он нам вернуться в лагерь, но мой отец обратил на него не больше внимания, чем на Белую Антилопу. Ехали мы то галопом, то рысью и к полудню остановились у подножия холмов. Вдали паслись старые бизоны, а на склоне заметил я жирного трехгодовалого самца, который при виде нас обратился в бегство.

— О, убей его, отец! — воскликнул я. — Его легко догнать.

— Нас ждет добыча получше этой, — отозвался отец. — Сегодня вечером я привезу в наш вигвам мясо жирной самки.

Больше я не сказал ни слова. Поднявшись на вершину одного из холмов, мы спрыгнули с седел и окинули взглядом равнину, тянувшуюся на восток до самого горизонта. Вдали паслось большое стадо бизонов — триста или четыреста голов, — за которым в течение нескольких дней следили Носители Ворона. Животные по-прежнему занимали центр широкого плоскогорья; кое-где в неглубоких ямах сверкала дождевая вода, и я понял, почему бизоны не идут на водопой к реке. Караульные были правы: пока стадо не покинуло плоскогорья, нельзя было незаметно к нему приблизиться.

Отец закурил трубку и долго не спускал глаз с большого стада. Наконец мы снова вскочили на коней и, поднявшись на

* Скалистые горы. — *Прим. авт.*

вершину следующего холма, посмотрели вниз. В ущелье между двумя холмами увидели мы сорок — пятьдесят самок с детенышами. Среди них была одна очень крупная, жирная и, по-видимому, недоенная.

— Теперь ты видишь, сын мой, что не следовало мне убивать того молодого бизона, — сказал отец. — Солнце мило к нам: оно посылает завидную добычу.

Я ничего не ответил: мысли мои сосредоточены были на том, что ждет нас, когда мы вернемся вечером в лагерь. Отец не сомневался в том, что Ловцы не посмеют его наказать за нарушение правил охоты, но я не разделял его уверенности.

Отец приказал мне ждать на вершине холма, пока он сам спустится к выходу из ущелья. Затем я должен был въехать в ущелье с другой стороны и спугнуть бизонов: увидев меня, они помчатся по направлению к равнине и пробегут мимо отца.

Все случилось так, как он предполагал. Завидев меня, бизоны задрали хвосты и, делая огромные прыжки, понеслись по ущелью. Отец перерезал им дорогу, подъехал к жирной недоенной самке и спустил тетиву лука. Стрела по самое оперение вонзилась ей в бок. Одного выстрела было достаточно. Красным потоком хлынула кровь из ноздрей, самка остановилась, покачнулась и рухнула на землю.

Я подъехал к отцу, мы спрыгнули с седел и начали свежевать тушу. Самка оказалась очень жирной: ребра горба были покрыты слоем белоснежного жира толщиной в три пальца. Отец радовался удаче. Рассекая тушу и вырезая язык и лучшие куски мяса, он громко пел песню койота, или охотничью песню; потом, потирая руки и улыбаясь, сказал мне:

— Ну вот, сын мой, есть у нас теперь мясо. Думаю, что и ты, и твоя мать, и сестра не прочь полакомиться. Ха! А старшины приказали нам сидеть в лагере и голодать. Нет! Пока у Одинокого Бизона хватает сил сгибать лук, семья его голодать не будет.

Когда рухнула на землю жирная самка, мы с отцом забыли о стаде, которое вырвалось из ущелья на равнину. Только теперь, навьючивая мясо на лошадей, заметили мы далеко на востоке густое облако пыли. Смутно догадывались мы, что происходит, но ни слова друг другу не сказали. Отец вскочил в седло и стал подниматься по склону холма; я последовал за ним, и, поднявшись на вершину, мы натянули поводья и взглянули на равнину. Догадка наша оказалась правильной: бизоны, вырвавшись из ущелья, помчались прямо к большому стаду и спугнули его; теперь оно бежало на юг, прочь от нашего лагеря. В течение нескольких дней караульные следили за этим стадом, и весь лагерь терпеливо ждал, когда оно спустится к реке, но мой отец забыл о нуждах племени и думал только о себе. Упрямый и гордый, он один по-

винен был в том, что стадо обратилось в бегство и широким черным потоком неслось на юг.

Я посмотрел на отца. Он хмурился, улыбка сбежала с его лица. Но через минуту морщины на лбу разгладились, и он сказал холодно и спокойно, словно размышляя вслух:

— Ну, что ж! Я спугнул стадо, но кто в этом виноват? Не я! Дети мои должны есть досыта, хотя бы мне пришлось нарушить все законы нашего племени.

Конечно, я ничего на это не ответил. Мы поехали домой. Зашло солнце. Смеркалось, когда мы увидели лагерь. Перед вигвамами стояли мужчины и женщины и смотрели на нас. Все молчали, никто не сказал нам ни слова. Молчание, странное, тревожное молчание, встречало нас и провожало. Не знаю, почуствовал ли отец это враждебное отношение толпы. Мы подъехали к нашему вигваму и спрыгнули с седел. Мать ждала нас у входа. Молча взяла она мясо и понесла его в вигвам.

Предоставив мне расседлать лошадей, отец последовал за матерью.

— Жена, дочка! — весело крикнул он. — Я привез вам жирного мяса. Приготовьте поскорее ужин. Знаю, что вы голодные.

Я вошел в вигвам и сел на свою постель из звериных шкур. Мать ничего ему не ответила. Я видел, как дрожали ее руки, когда она разрезала язык бизона на тонкие полосы. Эти полосы и ребра она стала поджаривать на красных углях костра.

Отец отложил в сторону лук и взял ружье, стоявшее у изголовья его постели. Это ружье он купил прошлым летом в торговом форте Компании Гудзонова залива, Внимательно осмотрев его и любовно погладив ствол, он поставил его в ногах постели. Из ружья он стрелял редко, так как мало было пороха и пуль. Охотясь на бизонов, он брал лук и стрелы, а оружием белых пользовался только на войне. Купив у белых несколько ружей, наши черноногие прогнали враждебное нам племя кроу* к реке Йеллоустон. И кроу вынуждены были покинуть пастбища, раскинувшиеся к северу от реки Миссури.

Поджарив мясо, мать дала каждому из нас по большому куску. Себе она не взяла ни кусочка, и отец спросил, не больна ли она.

— Тяжело у меня на сердце, — ответила мать. — Знаю я, что ты навлек на нас несчастье.

— Ха! — воскликнул отец. — Сними тяжесть с сердца. Чего ты боишься? Неужели ты думаешь, что Ловцы посмеют меня тронуть? Кто из наших воинов может со мной рав-

* Вóроны.

няться? Разве не совершил я подвигов больше, чем кто бы то ни было из них? Сколько раз я водил их по тропе войны, сколько раз мы одерживали победу над врагами! Да стоит мне захотеть, и меня изберут вождем племени! Полно, успокойся и ешь вместе с нами.

Да, отец верил, что стоит ему захотеть, и он будет избран вождем племени. Однако он ошибался, и я это знал. Играя с товарищами и бегая между вигвамами, я часто слышал разговоры о моем отце. Запомнились мне слова старика Низкого Медведя. Не зная, что я нахожусь поблизости, он говорил воинам, собравшимся в его вигваме:

— Чтобы стать вождем, нужны храбрость, щедрость, тихий, спокойный нрав и — прежде всего — доброта. Одиноким Бизон храбр, он — великий воин. И щедрость его всем известна: многим вдовам и сиротам он уделяет часть своей добычи. Но сердце у него гордое и нрав вспыльчивый: из-за пустяков он приходит в бешенство. Да, когда он говорит с друзьями или нетерпеливо слушает их, видно, что себя он считает выше всех. Вот почему я говорю: не быть ему вождем!

Вернувшись домой, я передал матери слова Низкого Медведя. Выслушав меня, она долго молчала и наконец ответила:

— Каковы бы ни были его недостатки, но нас он любит. Помни об этом всегда.

Взглянув на сестру, я заметил, что она тоже не ест. То она, то мать с испугом посматривали на шкуру, завешивавшую вход в вигвам, вздрагивали и прислушивались к малейшему шороху. Их тревога передалась и мне: делая вид, будто обгладываю ребро, я не спускал глаз с двери.

Вот потому-то мы и не заметили, как чьи-то руки бесшумно приподняли шкуру, служившую задней стенкой вигвама, и крепко сжали шесты. Не видел этого и отец: он сидел лицом к выходу, медленно пережевывая куски мяса, и напевал песню койота. И вдруг вигвам наш зашатался, — Ловцы раскачали шесты и повалили его на землю. Потом бросились они к отцу и схватили его за руки, он не успел пустить в ход нож, которым резал мясо.

Заревев от гнева, он попытался вырваться из рук Ловцов. Моя мать поспешила к нему на помощь.

— Отпустите его! — кричала она. — Говорю вам, отпустите его!

Сестра с плачем убежала в темноту, а я стоял как вкопанный, не зная, что делать. Собралась толпа. Люди, закутанные в одеяла из звериных шкур, стояли вокруг нас и молчали. Что-то жуткое было в их молчании: казалось, все считали справедливым то наказание, какому Ловцы хотели подвергнуть отца.

Восемь человек крепко его держали, остальные завладели его оружием и взяли мясо, которое он в тот день при-

вез. Затем выступил вперед начальник Ловцов и плеткой ударил моего отца по спине. Удар был слабый, но громко щелкнула плетка из невыделанной кожи, опустившись на тонкую кожаную куртку отца. Кто-то застонал в толпе. Мать с воплем рванулась вперед, но ее удержали. Удержали и меня, когда я бросился к начальнику Ловцов. Шесть раз опускалась плетка, но отец не дрогнул и не вскрикнул.

Тогда сказал начальник Ловцов:

— Все вы видели, как наказан был человек, нарушивший законы охоты. Будьте мудры: повинуйтесь приказам старшин. Помните, что наши законы созданы для блага всех нас. Пусть знает каждый послушник, какое ждет его наказание.

Ловцы освободили нас троих и молча удалились, за ними последовала толпа.

Отец опустился на ложе из звериных шкур и закрыл лицо руками. Вернулась сестра и, плача, взяла меня за руку. С нами остался кое-кто из наших родственников и друзей. Они помогли матери поставить вигвам и разложить маленький костер. Потом, предложив нам сушеного мяса и пеммикана, они ушли вслед за толпой.

Три раза подбрасывала мать сухие ветки в костер, а отец по-прежнему молчал и не отнимал рук от лица. Жестокое постигло его наказание. Удары плеткой были слабые и почти не причинили боли, ребенок и тот мог бы вынести эту боль. Но оскорбительно было такое наказание. Мы, черноногие, считаем, что воспоминание об унижении стирается лишь со смертью обидчика. Вот почему мы браним детей, но никогда их не сечем. Ударить ребенка — значит сломить дух его.

Костер догорал, а мать уговаривала отца лечь и заснуть. Он сидел неподвижно и ни слова не сказал в ответ. При тусклом свете тлеющих углей мы трое улеглись на мягкие шкуры и оставили его одного. О, как хотелось мне его утешить! Засыпая, я мысленно твердил: «Это его вина. Он сам навлек на себя наказание». Но в эту ночь я любил его больше, чем когда бы то ни было. Долго я метался и думал о том, как встретит он рассвет, что принесет ему следующий день.

Ночью я слышал стоны отца и тихий голос матери:

— О мой муж, мой муж! Что мне делать? Как успокоить тебя?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проснувшись на рассвете, я увидел, что отец по-прежнему сидит на ложе из звериных шкур и не спускает глаз с костра. Должно быть, он просидел так всю ночь. Его лицо показалось мне измученным и постаревшим.

Мать заговорила с ним.

— Нам нечего есть. В вигваме не осталось ни куска мяса. Могу ли я пойти к моим братьям и попросить у них мяса, чтобы накормить детей? — спросила она.

— Да, ступай. Накорми детей и поешь сама. Я есть не буду. Ни одного куска не проглочу я, пока мы не покинем этого лагеря, — ответил он.

— О, что ты говоришь! — испугалась мать.

— Больше я не пикуни! Я отрекаюсь от этого племени. Ступай принеси мяса, поешь и уложи все наши вещи. К полудню лагерь останется далеко позади.

Сестра и я с ужасом прислушивались к его словам. Покинуть лагерь! Навсегда расстаться с родными, друзьями,

товарищами наших игр! Сначала мы не поверили, думали, что он шутит, но мать знала его лучше, чем мы. Однако она не теряла надежды: быть может, он изменит свое решение! Молча вышла она из вигвама и вскоре вернулась со своим братом, которого звали Глаза Лисицы, и Белым Волком, младшим братом моего отца. Принесла она мяса и стала поджаривать его на углях.

— Одинокый Бизон, брат, правда ли, что ты хочешь нас покинуть? — спросил Белый Волк.

— Да,— с горечью отозвался отец.— Вчера ты видел, как меня отхлестали. Я навсегда опозорен. Неужели ты думал, что я останусь с этим неблагодарным племенем? Вспомни, что я для него делал! Вспомни, сколько раз я выигрывал битвы и обращал в бегство врагов! И никогда не отказывал я в помощи. Женщины, дети приходили в мой вигвам, и я давал им мяса. А меня отхлестали за то, что я охотился, когда моя семья голодала! Нет! Я не останусь с этим неблагодарным народом!

— Брат, ты нарушил правила охоты... правила, которым подчиняемся все мы — и простые воины, и старшины...

— Знаю, знаю все, что ты можешь сказать,— нетерпеливо перебил отец.— Я охотился в стороне от большого стада, не намеренно я его спугнул. Это произошло случайно. Но Ловцы не дали мне времени объяснить, как было дело. Брат, не спорь со мной. Я принял решение: как только наши вещи будут уложены, я уеду отсюда навсегда. Но мне бы хотелось получить оружие, которое отняли у меня Ловцы. Постарайся взять его у них. А если они не отдадут... Ну, что ж! Я сделаю новый лук и стрелы, а со временем куплю другое ружье.

— Одинокый Бизон, старший мой брат,— сказал Белый Волк,— ты думаешь только о себе. Вспомни о жене и детях и ради них останься с нами. Если же в пылу гнева ты хочешь на время нас покинуть,— иди, но иди один. Навести родное нам племя черноногих — кайна. Поживи с ними, пока не угаснет твой гнев, а потом возвращайся к нам.

— Слова Белого Волка — мои слова,— сказал Глаза Лисицы.— Не разлучай сестру мою с ее родственниками, не ставляй ее скитаться вместе с тобой. Подумай о том, что ты подвергаешь опасности и ее жизнь и жизнь твоих детей. Рано или поздно вас настигнет военный отряд одного из враждебных нам племен, все вы будете убиты. Прошу тебя, останься с нами.

— Ну, если так, то я не принуждаю Сисаки и детей следовать за мной. Они могут остаться с вами. Что вы на это скажете, жена, дети?

— Ты знаешь, что твоя тропа — также и моя тропа,— ответила мать, едва удерживаясь от слез.

— Слышите? — воскликнул отец.— Конечно, она меня не

покинет. Да и дети не захотят с нами расстаться. Верно ли я говорю, сынок, дочка?

— Да,— шепотом отозвались мы оба.

— Ну и ступайте куда хотите! — сердито крикнул Глаза Лисицы. — А когда попадете в беду, вспомните, что я вас предостерегал и старался удержать в лагере.

С этими словами он вышел из вигвама.

— Брат, больше я не буду с тобой спорить: все равно это ни к чему не приведет, — сказал, вставая, Белый Волк. — Пойду попытаюсь взять у Ловцов твое оружие.

В это утро с удивительной быстротой распространялись слухи по всему лагерю. Когда Белый Волк отправился исполнять поручение отца, в наш вигвам вошел вождь племени, а за ним следовали знахари и воины.

— Одинокый Бизон, что это значит? — начал вождь, усаживаясь рядом с отцом на ложе из звериных шкур. — Говорят, что ты хочешь навсегда нас покинуть? Покинуть племя, всех родных и друзей? Конечно, это пустая болтовня.

— Нет, это не пустая болтовня, тебе сказали правду, — ответил отец. — Я вас покидаю навсегда... я, моя жена и дети.

Больше он не прибавил ни слова и упорно молчал, хотя вождь и те воины, что пришли с ним, по очереди убеждали его изменить решение. Долго доказывали они ему, что необдуманный его поступок навлечет беду на всех нас, и наконец ушли, рассерженные молчанием и упрямством моего отца.

Когда моя мать приготовила завтрак для сестры моей и для меня, вернулся Белый Волк с оружием отца. Увидав свое ружье и лук, отец развеселился.

— Ха! Значит, не придется мне делать новое оружие! — воскликнул он. — Сегодня я убью бизона, и вечером мы будем пировать. Живей, сынок! Поешь мяса, которое дали нам соседи, и пригони наш табун.

Тяжело было у меня на сердце, и я не чувствовал голода. Чтобы успокоить мать, я проглотил несколько кусков мяса и, выйдя из вигвама, побежал к равнинам, где паслись табуны. Когда я пригнал лошадей к реке, вигвам наш был уже сложен и все вещи упакованы.

Пришел Белый Волк и помог мне поймать одиннадцать лошадей, которые были нам нужны, — пять выюнных, четыре верховых и еще две, предназначавшиеся для того, чтобы тащить траву *

— Племянник, — сказал он мне, когда мы вели лошадей в лагерь, — племянник сегодня кончилось твое детство. Твой

* Индейская примитивная повозка без колес: два шеста прикреплялись в виде оглоблей к лошади; концы шестов волочились по земле; по середине шесты были скреплены поперечными жердями. — *Прим. перев.*

отец ведет всех вас навстречу великим опасностям. Обещай мне быть мужчиной, не отступать перед врагом и по мере сил защищать мать и сестру.

— Я сделаю все, что в моих силах,— ответил я.

— Я знал твой ответ. Возьми...— И с этими словами он протянул мне свой лук и колчан со стрелами. И колчан и чехол для лука сделаны были из шкуры великолепной длиннохвостой выдры.

— О, как бы я хотел уйти с вами! — добавил Белый Волк.— Но сейчас об этом и думать нечего. Тетка твоя больна. Быть может, впоследствии...

Он не договорил, но я угадал его мысли: тетка моя никогда не выздоровеет, а когда жизнь ее оборвется, дядя будет свободен и поспешит к нам. Но куда?.. Отец ни слова не сказал о своих планах. Знали мы только, что он хочет навсегда покинуть лагерь.

Пока мы седлали верховых лошадей, а на остальных навьючивали поклажу, мой отец стоял поодаль и торопил нас, не скрывая своего нетерпения. Собралась толпа. Женщины, помогавшие матери укладывать вещи, довели ее до слез своими причитаниями; старухи плакали вместе с ней и говорили, что не переживут разлуки с той, которая всегда им помогала.

Плакала моя сестра, прощаясь с подругами, да и я едва удерживался от слез, когда мои товарищи-подростки окружили меня и старались ободрить и утешить. О, как не хотелось мне расставаться с ними!

Воины обступили моего отца и убеждали его не покидать родного племени. Конечно, их уговоры ни к чему не привели, да и вряд ли он их слушал. Когда погрузка была закончена, он приказал матери сесть на лошадь и ехать по тропе, ведущей на восток, к низовьям реки. Мы с отцом погнали табун, а за нами ехала сестра, которой поручено было присматривать за вьючными лошадьми и траву.

Мы покинули лагерь. Я смотрел на равнины и холмы, на долину реки, поросшую лесом, где, быть может, скрывались враги, и казалось мне, что я навеки расстанусь с друзьями и родными.

Все утро и добрую половину дня ехали мы рысцей. Там где река делала повороты, мы поднимались из речной долины на плоскогорье, чтобы сократить расстояние. За всю дорогу отец мой не проронил ни слова. Быть может, он сожалел о том, что в пылу гнева дал клятву покинуть родное племя. Лицо его было печально.

После полудня мы чаще и чаще натыкались на следы дичи. Путь нам перерезали тропы, проложенные лосями, оленями, бизонами. В лесу мы видели много оленей и лосей, и наконец вдали показалось стадо бизонов, спускавшихся по склону равнины к реке. Отец приказал нам остановиться, а

сам поехал дальше и скрылся за деревьями. Мы втроем молча ждали сигнала, нам было не до разговоров.

Бизоны гуськом пересекли долину и вошли в лес, окаймлявший реку. Нас они не заметили, так как мы притаились в кустарнике. Мы не спускали глаз с тропы, по которой только что прошли бизоны, и думали, что вскоре помчатся они назад, когда отец мой их спугнет. Но, как узнали мы впоследствии, отец проехал дальше чем следовало и миновал лесную тропу, ведущую к реке. Заметив свою ошибку, он повернул назад и поспекал к бизонам, когда животные уже спустились к реке и, выстроившись в ряд, утоляли жажду. Крутой обрыв на противоположном берегу помешал им переправиться через реку, поэтому они бросились назад, в лес, и помчались прямо к зарослям, где притаились мы трое.

Было их около двухсот голов. Стук копыт, треск валежника и ломающихся веток предупредил нас об их приближении.

— Выезжайте из зарослей! Торопитесь! За мной! — крикнул я матери и сестре, но топот заглушил мои слова, хотя я кричал во все горло.

Не знаю я на свете ничего страшнее разлива реки, внезапно сломавшей зимний ледяной покров, и бега бизоньего стада, катящегося лавиной.

Не успел я предостеречь мать и сестру, как стадо уже налетело на нас и понеслось дальше, увлекая за собой наш табун, выюнных лошадей и нас самих: лошади наши, обезумев от ужаса, становились на дыбы, и нам великого труда стоило удержаться в седле.

Справа и слева напирала на мою лошадь два огромных бизона с острыми рогами, сзади, сливаясь в сплошную массу, мелькали косматые головы, впереди бежали вожаки стада, которое, налетев на нас, расступилось, а затем снова сомкнулось, охватив нас тесным кольцом.

Всегда попадают в стаде бизоны, которые бегут быстрее любой лошади. И, как всем известно, самая быстрая лошадь не может долго следовать за стадом и начинает отставать раньше, чем охотник успеет сделать двадцать выстрелов. А у бизонов дыхание прекрасное и мускулы крепкие, вот почему могут они бежать, не останавливаясь, в течение целого дня.

Посмотрев направо, я увидел мою мать; шесть или восемь бизонов отделяли ее от меня. Слева, впереди мчалась сестра, обеими руками уцепившись за гриву лошади, между нами темнели только две косматые коричневые спины. Несколько лошадей скакали бок о бок с бизонами, но почти весь наш табун опередил стадо и теперь находился в безопасности, рассыпавшись по склону холма.

Моя мать ехала на большой сильной лошади, послушной и выносливой, и за нее я не боялся, но сестре угрожала серьез-

ная опасность. Ее трехгодовалый жеребец был еще плохо объезжен, и я видел, что сестра не может с ним справиться, так как оборвался ремешок, служивший уздечкой. Мы должны были вырваться из стада и, как только открывалось свободное местечко между косматыми телами, направлять туда лошадей. Но без уздечки этого нельзя было сделать. «Нитаки погибнет, если я ее не спасу», — мелькнуло у меня в голове. Припомнились мне слова моего дяди: «Кончилось твое детство... Обещай мне быть мужчиной... защищать мать и сестру».

Да, я должен был спасти сестру. Но как подъехать к ней? Нас разделяли бизоны... И вдруг я вспомнил: за спиной у меня висит лук, полученный от дяди. Как я мог забыть о нем?

Быстро вытащив лук из чехла, я с великим трудом натянул тетиву. Дядя отдал мне свой лук — лук взрослого охотника, и мне, мальчику, пришлось напрячь все силы, чтобы согнуть его. Потом достал я стрелу из колчана, приладил ее к тетиве и выстрелил. З-з-з... — и стрела вонзилась в спину бизона. Должно быть, она задела сердце. Огромное животное сделало еще два прыжка и упало, а я, повернув лошадь, занял освободившееся место и выстрелил во второго бизона, отделявшего меня от сестры. Первая стрела легко его ранила, но вторая сделала свое дело: бизон остановился как вкопанный, а стадо, напиравшее на него сзади, разделилось на два потока.

Между тем лошадь сестры начала брыкаться. Почувствовав, что подпруга лопнула и седло сползает, Нитаки взвизгнула и в первый раз оглянулась, словно призывая меня на помощь. Еще один прыжок лошади — и сестра, разжав руки, выпустила гриву и высоко подпрыгнула вместе с седлом. У меня замерло сердце: я понимал, что ей грозит неминуемая гибель, если она слетит с лошади.

Несколько шагов отделяло меня от нее. Я ударил свою лошадь луком, и в два прыжка она покрыла это расстояние. Вытянув руки, я обхватил сестру за талию как раз в ту минуту, когда лошадь ее поднялась на дыбы. С трудом притянул я ее к себе и положил поперек седла, так что ноги ее свешивались в одну сторону, а голова — в другую. У меня не хватило сил приподнять ее и усадить.

Снова сомкнулись вокруг меня бизоны, и я заметил, что лошадь моя, которой пришлось теперь везти двух седоков, выбивается из сил. Если бы она споткнулась и упала или остановилась, мы погибли бы под копытами бизонов. Все сильнее и сильнее хлестал я лошадь, но почти не надеялся на спасение. Казалось мне, что эта лавина косматых тел влечет нас к смерти.

И вдруг положение резко изменилось. Не знаю, что побудило вожака-бизона круто повернуть налево — туда, где между берегом реки и склоном равнины росли старые тополя. Стадо ворвалось в рощу, а я, подъехав к первому толстому де-

реву, остановил взмыленную, дрожащую лошадь. Справа и слева от меня промчались, стуча копытами, бизоны.

Матери моей нигде не было видно: должно быть, она отстала от стада. Я выехал из-за дерева и посмотрел назад. О, как обрадовался я, когда увидел ее вдаль! Она ехала вместе с отцом. Я дрожал всем телом, у меня кружилась голова. Нитаки соскользнула с седла и, измученная, опустилась на землю.

Моя мать бросилась к ней и крепко обняла.

— Не верится, что все мы целы и невредимы! — говорила она. — Храбрый мальчик, ты спас сестру! Я все видела. Не знаю, как я выбралась из стада. Я так испугалась, что перестала править лошадью, она сама вырвалась на свободу.

— Вы спаслись от великой опасности, и сегодня же я принесу жертву Солнцу, — весело сказал отец. — А там, у реки, я убил жирную самку. Пойдем отыщем выючных лошадей, раскинем вигвам, поедим и отдохнем. А потом мы с тобой, сынок, пригоним табун. Несколько лошадей умчались со стадом, но скоро они от него отстанут.

К вечеру работа была сделана. Когда стемнело, мы собрались у костра, пылавшего в вигваме, и забыли на время все наши невзгоды. Я был горд и счастлив: в тот день я не только спас сестру от страшной смерти, но и впервые убил бизона. Был я неплохим стрелком, так как часто охотился на кроликов и тетеревов, но согнуть лук сильного воина и тремя стрелами убить двух больших бизонов — это подвиг для мальчика, который видел только четырнадцать зим.

Отец осмотрел мой лук и удивился, как удалось мне его согнуть.

— Должно быть, волнение придало тебе сил, — сказал он. — А ну-ка, попытайся, согни его сейчас.

Я попытался, но не мог согнуть. Тогда отец взял лук и слегка обстрегал его.

Очень хотелось нам знать, куда мы держим путь, но ни мать, ни мы с сестрой не осмеливались приставать к отцу. Наконец, он сам открыл нам свои планы.

— Ну, вот мы и распрощались со старшинами племени пикуни и с Ловцами, — начал он. — Теперь мы можем делать все, что нам вздумается. Сначала хотел я перевалить через Спинной Хребет Мира и поселиться с племенем плоскоголовых, но не по душе мне их страна: там много лесов, а бизоны в лесах не живут. Нет, мы пойдем в страну большебрюхих и с ними будем жить. Нам они почти братья, а вождь их, Короткий Лук, — близкий мой друг. Если посчастливится нам, мы отыщем их лагерь дней через пять-шесть. Думаю, они расположились где-нибудь у подножия гор Медвежья Лапа.

Так как к родному нашему племени мы уже не могли вернуться, то план отца показался мне неплохим. Большебрю-

хия в сущности входят в состав племени арапахо, но зим пятьдесят назад шесть-семь кланов откололись от племени. Причиной послужила ссора, происшедшая из-за белой самки, убитой во время охоты на бизонов: несколько человек заявляли свои права на белого бизона. С тех пор большебрюхие всегда были нашими союзниками и пользовались нашим покровительством, как говорите вы, белые. Но в покровительстве они вряд ли нуждались, так как были смелыми воинами. Мы им позволяли охотиться на наших равнинах, и часто раскидывали они лагерь поблизости от нас. Многие большебрюхие хорошо говорили на нашем языке, но ни один черноногий не мог овладеть их языком. Как ни старался я, но никогда не удавалось мне правильно произнести хотя бы одно слово на языке большебрюхих.

Мы должны были тронуться в путь не раньше полудня, так как мать настояла на том, чтобы запастись сушеным мясом. С утра принялась она за работу и с помощью Нитаки стала резать на тонкие полосы мясо убитых нами бизонов. Женщины работали, а мы с отцом сидели на склоне равнины, откуда видны были окрестности. Не хотелось нам быть застигнутыми врасплох каким-нибудь военным отрядом.

Зорко смотрели мы по сторонам, но ничто не указывало на близость врагов. Бизоны и антилопы гуськом спускались на водопой к реке или мирно паслись на равнине. Спокойно щипали они свежую зеленую траву; мы знали, что стоит им почуять приближение людей, немедленно обратятся они в бегство. Все утро мы сидели на склоне у реки и ждали сигнала матери, чтобы привести лошадей.

Наконец мы увидели, что она размахивает одеялом. Мы вскочили, и как раз в эту минуту показались два всадника, скакавшие по той самой тропе, по которой ехали мы накануне.

— Ха! Двое из племени пикуни! — воскликнул отец и больше не прибавил ни слова.

Он не ошибся: подойдя к нашему вигваму, мы увидели Белого Волка и Глаза Лисицы. Они снова приехали, надеясь убедить отца вернуться в лагерь. Долго они говорили, настаивая на том, чтобы мы вместе с ними отправились в обратный путь.

Отец терпеливо их выслушал, а когда они умолкли, сказал:

— Братья, тяжело мне расставаться с вами, но после того что случилось, я не могу вернуться. Но не навсегда мы вас покидаем: жить мы будем с большебрюхими, а это племя часто встречается с пикуни. Когда мы раскинем лагерь по соседству с вами, вы можете навещать меня, но никогда я не войду в лагерь пикуни. Я все сказал. Пора нам трогаться в путь, здесь дороги наши расходятся. Ступайте своей дорогой, и пусть Солнце защитит вас от всех опасностей.

Снова попрощались мы с ними и поехали на восток, вниз по речной долине. День был теплый, солнце ярко светило, со-

гревая нас после долгой холодной зимы. К вечеру мы расположились на отдых. По словам отца, мы должны были на следующий день спуститься к реке Марии, неподалеку от того места, где эта река впадает в Миссури.

Раскинули вигвам, и мать поджарила для нас мясо. Шесть-семь лошадей мы привязали к колышкам, других стреножили. Затем вместе с отцом я поднялся на невысокий холм, чтобы при свете заходящего солнца осмотреть окрестности. На равнинах мирно паслись стада.

— Ха! Врагов поблизости нет. Славный денек! — сказал отец, усаживаясь подле меня и доставая из сумки табак и трубку.

Сидели мы на склоне холма, возвышавшегося над крупным поворотом реки. Внизу, у наших ног, тянулась зеленая долина, у самой воды темнела узкая полоса леса, спускавшегося к низовьям реки. Вдруг я увидел, что из леса, за поворотом реки, выбежало стадо бизонов и помчалось к равнине. Я толкнул локтем отца и молча указал ему на стадо.

— Ха! Это мне не нравится, — пробормотал он и спрятал в сумку табак и трубку, которую так и не успел набить.

Бизоны поднялись по склону на равнину. Больше мы не обращали на них внимания и не спускали глаз с темной полосы леса, откуда они выбежали. Вскоре показались на опушке три оленя и понеслись к низовьям реки.

— Черная Выдра, нам грозит беда, — сказал мне отец. — Люди — должно быть, военный отряд — вошли в лес. Направляются они к верховьям реки.

Не успел он договорить, как на лужайку вышло человек тридцать. Да, это был военный отряд, и путь он держал в ту сторону, где мы раскинули лагерь. Как только воины пересекли лужайку и скрылись в лесу, мы вскочили и стремглав побежали вниз по склону, к нашему вигваму.

— Если они выслали разведчиков, мы погибли, — простонал отец.

Я это знал. Пробираясь по лесу, разведчики, конечно, заметили бы наш вигвам, раскинутый на опушке. Как боялись мы, что они нападут на мою мать и сестру раньше, чем успеем мы до них добежать!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Холм, на склоне которого мы сидели, служил как бы прикрытием для нашего вигвама, раскинутого у подножия его, и заслонял его от той части речной долины, где находился военный отряд. Когда мы сбегали по склону, враги не могли нас заметить, даже если бы они вышли на опушку леса. Пересекая долину, мы увидели наш табун и погнали его к вигваму. Издали отец стал кричать:

— Скорей! Помогите поймать верховых и вьючных лошадей! Приближается военный отряд.

Но мать и сестра уже почуяли опасность, увидев, как мы гоним табун.

Захватив с собой веревки, они бросились нам навстречу, и мы начали седлать лошадей. Отец вкратце рассказал о появлении военного отряда в долине реки.

— Не пугайтесь,— добавил он.— Если они не выслали вперед разведчиков, мы успеем уложить все вещи и ускакать. Складывайте вигвам, а я отправлюсь на разведку.

С этими словами он повесил через плечо лук и колчан, взял ружье и ускорил шаг.

Быстро разобрали мы наш вигвам. Я выдернул колышки, которыми были прикреплены к земле края шкур, служивших стенами вигвама, мать свернула шкуры и вытащила шесты — шестнадцать шестов, являвшихся остовом палатки. Эти шесты она привязала к двум лошадям, а сестра уложила в парфлешу * съестные припасы и те немногие вещи, какие взяли мы с собой в дорогу. Когда был завязан последний выюк, мы вскочили на коней.

Должно быть, военный отряд не выслал вперед разведчиков, или же они находились на другом берегу реки и нас не видели.

Вернулся отец, ездивший на разведку.

— Нам нечего бояться, — сказал он. — Враги пешие, нас не догонят. Жена и ты, Нитаки, пересеките долину реки и поднимитесь по склону на равнину. Поезжайте рысью. Мы последуем за вами и будем гнать табун. Как только стемнеет, мы повернем на восток, снова спустимся в долину и раскинем лагерь.

Солнце уже зашло. Когда мы выехали на равнину, сгустились сумерки. Отец часто оглядывался, но врагов не было видно. Мы стали подниматься на вершину холма, и отец с тревогой сказал мне:

— Боюсь, как бы нам не попасть в западню. Быть может, отряд с противоположной стороны поднялся на холм, вместо того чтобы подвигаться к верховьям реки. Кто знает, не ждут ли они нас там, на вершине? Сынок, ты один справишься с табуном, а я поеду впереди.

Подъем был крутой, и лошади шли шагом. Отец хлестнул свою большую сильную лошадь и обогнал мать, ехавшую впереди.

Вдруг на вершине холма показались — словно из-под земли выросли — враги. Они выстроились в ряд и стали стрелять в нас из луков и четырех ружей. Дикие их вопли сливались с оглушительными выстрелами.

Одна из выючных лошадей заржала протяжно и упала. Как ни был я испуган, однако заметил, что это была та самая лошадь, которая тащила на себе боевое снаряжение отца и священную его трубку. Я забыл сказать, что отец мой владел священным талисманом — Трубкой Грома.

Убита была выючная лошадь, а через секунду неприятели ранили мою сестру: стрела вонзилась ей в левую руку чуть-чуть повыше локтя. Нитаки пронзительно взвизгнула, а мать закричала:

* Индейские кожаные мешки, имеющие форму конверта; обычно эти мешки раскрашены и вышиты узором. — *Прим. перев.*

— Они ранили мою дочь! Она умирает! Убейте и меня!

— Тише! — прикрикнул на нее отец. — Она жива! Поверните лошадей и спуститесь в долину.

Он поднял ружье и выстрелил в воинов, бежавших нам навстречу.

Наш табун уже обратился в бегство. Галопом поскакали мы вслед за ним, подгоняя испуганных выючных лошадей. В воздухе свистели стрелы. Воины нас преследовали и пытались набросить лассо на лошадей. По странной случайности им не удалось поймать ни одной лошади, а когда они подняли лассо, мы уже спустились с холма и оставили их далеко позади.

По приказу отца мы пересекли речную долину, переправились через реку на другой берег и выехали на равнину. Здесь мать упросила нас остановиться. Осмотрев раненую руку Нитаки, она ловко вытащила стрелу из раны, которую перевязала мягким куском кожи. Кость оказалась незадетой. Несмотря на сильную боль, Нитаки ни разу не вскрикнула.

Зато мать заливалась слезами и говорила отцу:

— О муж мой, видишь, до чего довело нас твое упрямство, твоя вспыльчивость! И это только начало! А знаешь ли ты, что Трубка Грома и все твои талисманы достались врагам?

— Знаю, — хмуро отозвался отец.

Мы видели, как он был расстроен. Он очень дорожил священной трубкой и считал, что без помощи этого талисмана молитвы его не могут дойти до Солнца и других наших богов.

— Я должен найти трубку! Во что бы то ни стало, я должен ее найти! — воскликнул отец, когда мы снова вскочили на коней и поехали дальше.

— Никогда ты ее не найдешь, — сказала мать.

— Нет, найду, и она снова будет у меня! — с непоколебимой уверенностью заявил отец. — На нас напал военный отряд ассинибуанов. Конечно, они задумали совершить набег на племя пикуни. Если твой народ с ними не повстречается, они к концу месяца вернутся в свой лагерь. Туда-то и отправлюсь я искать свою трубку, а ты с детьми останешься у большебрюхих.

Мать ничего на это не ответила. Я же подумал, что отец рассуждает неразумно: легко проникнуть ночью в неприятельский лагерь и увести лошадей, но отыскивать среди нескольких сот вигмамов тот, в котором хранится трубка, а затем завладеть ею, казалось мне несбыточной мечтой.

— Муж мой, — снова заговорила мать, — тебе представляется случай вернуть трубку и в то же время загладить свою ошибку. Поедем домой и предупредим наше племя о приближении военного отряда. Стоит тебе кликнуть клич — и все наши воины за тобой последуют. С их помощью ты разобьешь неприятельский отряд и завладеешь трубкой.

— Если хочешь, называй пикуни своими соплеменниками, но для меня они чужие, — ответил отец. — Пусть ассинибуаны

проникнут ночью в их лагерь и уведут всех лошадей. Какое мне до них дело?

Как горько было нам слушать эти слова!

Добрую половину ночи ехали мы по равнине, держа путь на восток. Затем мы повернули на юго-восток и наконец спустились к реке. В большой тополевой роще сделали мы привал, сняли с лошадей поклажу и улеглись спать.

Утром, как только забрезжил свет, мы натошак тронулись в путь и ехали, не останавливаясь, до полудня. Когда солнце высоко поднялось на небе, мы расположились на отдых и утолили голод.

К вечеру мы увидели место слияния рек Титона и Марии и, переправившись через оба потока, поехали берегом Миссури. Вдруг услышали мы стук топора, доносившийся из рощи тополей. Мы остановили лошадей и увидели, как задрожала верхушка одного из деревьев и высокий тополь с треском рухнул на землю.

— Ха! — воскликнул отец. — Там работают белые. Ни один индеец не станет рубить большое зеленое дерево.

Смело поехали мы к роще и на лужайке у реки увидели белых людей, строивших большой бревенчатый дом. Тут же на земле стояли ящики, бочки, лежали мешки с товарами, а к берегу причалены были три большие лодки, в которых белые привезли свои товары.

Остановив лошадей, мы с любопытством рассматривали странный лагерь. Один из белых выступил вперед и знаком предупредил нас подъехать ближе. Когда мы подъехали к лужайке, он подошел к отцу, пожал ему руку и, продолжая объясняться знаками, пригласил в свой вигвам.

Я не спускал с него глаз. Был он стройный, невысокий, длинноволосый, но на лице у него, как и у нас, волос не было. На его длинной синей куртке ярко блестели большие пуговицы. Обут он был в мокасины. Отец увидел эти мокасины, разглядел на них узоры из игл дикобраза, весело улыбаясь, прыгнул с лошади и сказал нам:

— Я уверен, что это тот самый человек, о котором мы столько слыхали. Он ведет торговлю с племенем Земляные Дома.

И знаком он спросил его, верно ли это.

— Да, я тот, о ком ты слышал, — ответил ему белый, по-прежнему объясняясь знаками. — Добро пожаловать в мой вигвам.

Мы последовали за ним в рощу и увидели большой красивый вигвам. Навстречу нам вышла молодая женщина; весело улыбаясь, она знаком пригласила нас войти; ее вигвам — наш вигвам, сказала она.

Нужно ли говорить тебе, сын мой, кто были эти люди? Да, так встретился я впервые с Ки-па и Са-куи-а-ки, отцом и ма-

терью Вороньего Колчана, близкого твоего друга. Умер Ки-па, а Са-куи-а-ки... вот сидит она подле тебя, сын мой, голова у нее седая, а лицо изборождено морщинами. Давно миновали счастливые дни нашей юности. О Са-куи-а-ки, друг мой, хотел бы я вернуть эти дни! *

Мы вошли в вигвам, и нас угостили мясом бизона и кушаньями белых людей. Подали нам вареных бобов, я их ел в первый раз в жизни, и они нам очень понравились. Поев, мы раскинули наш собственный вигвам и вышли на лужайку посмотреть, как работают белые люди.

В форте Красных Курток я бывал раза два, но с Длинными Ножами** повстречался впервые. Однако многие из нашего племени вели с ними торговлю в их форте при устье реки Иеллоустон, где находилась деревня индейцев племени Земляные Дома, которых вы, белые, называете манданами. Там-то и увидели они Ки-па и Са-куи-а-ки. Ки-па понравился им больше, чем все остальные Длинные Ножи. Часто рассказывали они о его щедрости и о тех подарках, какие от него получили. Один белый художник, живший в форте, нарисовал Горб Бизона и Орлиные Ребра, двух индейцев из родственного нам племени северных черноногих, и люди, видевшие эти рисунки, говорили, что нарисованные индейцы точь-в-точь похожи на живых.

Сын мой, эти первые Длинные Ножи, пришедшие в нашу страну, были людьми опрятными. Они заботились о своей наружности. На лицах их волос не было, а волосы на голове они гладко причесывали. Начальник их всегда носил синюю куртку с блестящими пуговицами. И с нами они были вежливы. Нимало не походили они на тех жестоких белых людей, которые наводняют теперь нашу страну. Эти люди, грубые, грязные, бородатые, притесняют нас, а нам, индейцам, противно смотреть на их лица, заросшие волосами.

На следующий день после нашего приезда Длинные Ножи

* Ки-па и Са-куи-а-ки (Женщина-Земля) — индейские имена капитана Джемса Киппа и жены его, индианки из племени мандан; сын их, Джозеф Кипп был близким моим другом. Капитан Кипп служил агентом в Американской меховой торговой компании. Черная Выдра впервые встретил его летом 1833 года, когда Кипп строил форт Макензи при устье реки Марии. Следовательно, Черная Выдра — позднее Вождь Вигвамный Шест — родился в 1819 году. Жена капитана Киппа была одной из самых великодушных и благородных женщин, каких я когда-либо знал, и относился я к ней как к матери. Сын их, Джозеф Кипп, или Вороний Колчан (Мас-твун-о-па-чис), как называли его черноногие, унаследовал лучшие качества своих родителей. Умер он 12 декабря 1913 года, за несколько дней до того, как написаны были эти строки. Вся Монтана оплакивала его смерть. Да, из друзей моих, с которыми в былые дни охотился я на бизонов, мало кто остался в живых.— *Прим. авт.*

** Красные Куртки — агенты Английской компании Гудзонова залива, а Длинными Ножами индейцы называли служащих Американской меховой торговой компании.— *Прим. перев.*

достроили одну из комнат форта и перенесли туда все свои товары, которые привезли по реке из большого форта на реке Иеллоустон. Долго-долго смотрели мы на красивые и полезные вещи, разложенные на полках: были тут одеяла, пояса из красной и синей материи, бусы, браслеты, серьги, краски, иголки, шила, ножи, ружья и пистолеты, котелки, тарелки и чашки из какого-то твердого металла, западни для бобров и седла.

Мой отец глаз не мог отвести от этих седел. Были они сделаны из черной блестящей кожи, на луке блестели медные головки гвоздей. Красивые были седла и очень удобные.

— Сколько стоит одно седло? — обратился мой отец к Ки-па.

— Двадцать шкурок, — последовал ответ.

Разумеется, Ки-па имел в виду шкурки бобров.

— Шкурки у меня нет, — сказал отец, — но я привез четыре капкана, которые купил на севере, в форте Красных Курток. Я поймаю двадцать бобров и куплю седло.

Ки-па протянул ему две западни.

— Я их дарю тебе, — сказал он. — Теперь у тебя есть шесть капканов, и скоро ты раздобудешь двадцать шкурок.

У берегов Большой реки * и реки Марии много было плотин и мазанок, построенных бобрами. Мы с отцом расставили западни, а на следующее утро нашли в них четырех бобров. Быстро содрали мы с них шкурки и вернулись домой, а мать и Нитики растянули шкурки на ивовых обручах для просушки.

На седьмое утро мы принесли домой пять шкурок.

— Есть у меня теперь двадцать три шкурки, — сказал отец. — Как только они высохнут, я их обменяю на седло, а тебе, жена моя, куплю белое одеяло.

— Нет, этого ты не сделаешь. — возразила мать. — Мы обменяем шкурки на ружье для Черной Выдры.

Отец с удивлением посмотрел на нее.

— Как! Да ведь он еще мальчик! Мальчики не стреляют из ружей.

— Ну а наш сын будет стрелять из ружья, — заявила мать, — и ружье я ему куплю, хотя бы мне пришлось продать несколько лошадей. Он стрелял из лука взрослого охотника и спас жизнь своей сестре. Если может он стрелять из лука, то, конечно, научится стрелять и из ружья. Не забудь, муж мой, что со всех сторон угрожает нам опасность, и это твоя вина: ты заставил нас покинуть родное племя, ты увел нас из большого лагеря, где мы жили в полной безопасности. А теперь мы нуждаемся в защите.

— Но он еще не постился, не видел вещего сна, и нет у него «тайного помощника». Он еще слишком молод...

* Река Миссури.

— Он может завтра же начать пост, — перебила мать. — А если он слишком молод, чтобы сражаться с врагами, то хотела бы я знать, кто заставил его вести жизнь, полную опасностей?!

— Ну, будь по-твоему, — отозвался отец.

Когда высохли шкурки, мы отнесли их Ки-па, а взамен получили ружье и белое одеяло для матери. Ки-па дал нам пороху, сотню пуль и два запасных кремня. Ружье было, конечно, кремневое. О, как я обрадовался, когда отец вручил мне его!

Ки-па сам показал мне, как заряжают ружье, и подарил маленькую металлическую мерку для пороха.

— Если ты возьмешь пороху больше чем следует, ружье может взорваться в твоих руках, — предостерег он меня.

Под вечер этого дня мать ушла к Са-куи-а-ки, отца также не было дома. Нитаки и я сидели в нашем вигваме. Из конского волоса она делала голову для новой куклы, а я, положив на колени ружье, не мог им налюбоваться. Очень хотелось мне пострелять из него.

Наконец я не выдержал и сказал сестре:

— Нитаки, идем на охоту!

Захватив с собой любимых кукол, она следом за мной пошла в лес.

Мы спрятались в густом ивняке, окаймляющем берег Большой реки. Шагах в десяти от нас пролежала широкая звериная тропа, которая пересекала долину и спускалась к самой воде. Я терпеливо ждал, зная, что по этой тропе ходят животные на водопой.

Вдруг Нитаки толкнула меня локтем.

— Слышал? — прошептала она.

— Нет.

— В лесу треснула ветка.

Мне стало стыдно: я, охотник, должен был слышать все шорохи. Напряженно мы прислушивались, но ничто не нарушало тишины. Наконец на тропу бесшумно вышел лось — большой лось с новыми, совсем еще короткими рогами. Зимняя шкура его облезла, и был он, конечно, тощий, но в месяц Новой Травы все животные тощи.

О, как я волновался! Но и Нитаки волновалась не меньше меня: она прижималась ко мне и дрожала всем телом. Разинув рты, смотрели мы на приближающегося лося. Сердце мое билось так быстро, что я с трудом мог поднять ружье.

Затаив дыхание, я прицелился и спустил курок. Порох зашипел и вспыхнул, из ствола вырвался черный дым, и загремел выстрел. Лось высоко подпрыгнул, рванулся вперед и бросился прямо к реке, а мы с Нитаки побежали за ним. Сестра растеряла всех своих кукол, а я от волнения забыл основное правило охотника: сначала зарядить ружье, а затем уже выходить из-за прикрытия.

Но на этот раз не было необходимости заряжать ружье. Издыхающий лось в несколько прыжков пересек песчаную полосу берега и с плеском упал в воду. Нитаки и я бросились за ним в реку и поймали его за задние ноги. Мы не могли вытащить большое тяжелое тело на песок, но нам удалось подтянуть его к берегу. Нитаки, стоя по пояс в воде, обняла меня и поцеловала.

— Кормилец семьи! — назвала она меня, а я гордился своим подвигом.

Нож у нас не было, и мы не могли содрать шкуру с лося. Мокрые с головы до ног, побежали мы домой и встретили отца и Ки-па, которые, заслышав выстрел, поспешили к реке. Мы показали им убитого лося, и отец, сдирая с него шкуру, похвалил меня за меткий выстрел и побранил за то, что я отлучился без спроса.

— Военные отряды бродят в окрестностях, — сказал он, — и детям опасно уходить из лагеря.

Так выстрелил я в первый раз из ружья, и первая моя пуля попала в цель.

Мы продолжали ловить бобров, так как отцу моему хотелось иметь черное кожаное седло. Ки-па предложил ему подарить седло, если отец пойдет к пикуни и уговорит их не торговать больше с Красными Куртками, а приносить бобровые шкурки и другие меха в форт Длинных Ножей. Конечно, мой отец ответил на это отказом и объяснил, почему он навсегда покинул родное племя.

Ки-па пристально смотрел на него, а потом покачал головой и сказал ему знаками:

— Ты поступил неправильно. Угаси гнев в сердце своем и вернись к родному народу. Да, они тебя отхлестали, но ты сам навлек на себя наказание. Ты нарушил закон охоты.

— Они не смели меня бить, — ответил знаками отец, и так быстро двигались его руки, что трудно было его понять. — Я кормил вдов и детей. Я не отступал перед врагами и первый бросался в бой.

— Да, и потому-то ты первый должен был повиноваться закону, установленному для всего племени, — сказал Ки-па.

На это отец ничего не ответил. Плотнее завернувшись в одеяло, он ушел и в продолжение нескольких дней почти не разговаривал с нами. Когда гнев его остыл, мать снова напомнила ему, что я должен начать священный пост и обрести «тайного помощника». Он согласился с ней, и все мы вышли из лагеря искать удобное местечко, где бы я мог поститься.

Мы осмотрели долины Большой реки и реки Марии, но подходящего места не нашли. Когда мы возвращались долиной реки Марии в лагерь, отец решил построить для меня помост на дереве. Матери это не понравилось.

— Похоже на то, будто мы его хороним, — сказала она.

Тебе известно, сын мой, что наш народ не зарывает покойников в землю, а кладет их на помосты в ветвях деревьев.

— Пустяки, — отозвался отец. — Пусть он постится на дереве.

Вскоре мы нашли подходящее дерево: старый тополь, ветви которого низко спускались к земле. Рос он довольно далеко от лагеря, и сюда не доносился стук топоров белых людей, работавших на лужайке. В течение целого дня мать и сестры устраивали для меня помост. Между двух толстых суков они положили длинные крепкие жерди, разостлали на них мягкие шкуры бизона. Над помостом они протянули кусок старой кожи, когда-то служившей покрывшей для вигвама, — этот навес должен был защищать меня от дождя и солнца.

На закате солнца я вскарабкался на помост, завернулся в одеяло и лег, положив подле ружье.

— Призывай на помощь все живые существа, населяющие землю, воздух и воду, — сказал мне отец. — Быть может, кто-нибудь из них согласится стать твоим «тайным помощником». Я тоже обращаюсь к ним с мольбой. Эх, нет у меня своей священной трубки!

— Нитяки и я каждый день будем приносить тебе воду, — сказала на прощание мать.

Они ушли, оставив меня одного на помосте.

Спустилась ночь. Я проголодался, но сон бежал от меня. Думал я, что никогда не засну в этой чуждой мне обстановке. Всегда я проводил ночь в вигваме, и ни разу не приходилось мне спать на открытом воздухе. С тревогой я прислушивался к таинственным ночным шорохам.

В лесу кричали совы.

— О большеухие! — обратился я к ним с мольбой. — Пусть одна из вас будет «тайным моим помощником».

В долине и на склоне холмов перекликались волки, собираясь на ночную охоту.

— О мудрые охотники, помогите мне! — прошептал я. — Когда я засну, будьте благосклонны к тени моей, скитающейся в ночи.

Я призывал на помощь птиц, порхавших в темноте вокруг меня, и каких-то невидимых зверьков, копошившихся в сухих листьях у подножия дерева. Исполняя приказание отца, я обращался за помощью ко всем живым существам, населяющим землю, воздух и воду. Потом попытался я заснуть, но не мог сомкнуть глаз.

Олени или лоси проходили под ветвями моего дерева. Изредка они останавливались и щипали молодые побеги. Немного спустя какое-то другое животное приблизилось почти неслышной поступью к дереву. Прислушавшись к сопению и

чавканью, я догадался, что это медведь — быть может, «настоящий» медведь-гризли *. Но я не испугался. Гризли был мне не страшен. Только черные медведи умеют взбираться на деревья, но черные медведи — трусы и бегут от человека.

Потеряв надежду заснуть, я снова стал призывать на помощь все существа. Вдруг я вздрогнул и стал прислушиваться: приближались какие-то ночные хищники. Их было много. Я уловил шарканье ног в мокасинах. Люди! Они остановились как раз под ветвями моего дерева и стали разговаривать на незнакомом мне наречии. Это были не пикунки, не большебрюхие и не вóроны. «Должно быть, ассинибуаны», — подумал я.

Справа и слева от меня тянулись длинные шесты, положенные на суки по обеим сторонам помоста для того, чтобы я не скатился во сне на землю. Я перегнулся через шест и стал всматриваться в темноту.

* Серый, самый крупный из медведей, распространенных в Северной Америке.— *Прим. перев.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночь была такая темная, что я мог разглядеть только смутные очертания людей. Было их много — человек сорок — пятьдесят. Мне понравилось наречие, на котором они говорили, — оно резко отличалось от грубого языка большебрюхих и других племен, живших по ту сторону Спинного Хребта Мира. Голоса людей звучали мягко и дружелюбно, но я понимал, что не мирные намерения привели их сюда. Отряд этот задумал совершить набег, их разведчики наткнулись на форт белых людей, а также видели наш вигвам и табун. Я знал, что должен опередить ассинибуанов, пробраться в лагерь и поднять тревогу.

Казалось мне, беседа их тянулась очень долго. Наконец они тронулись в путь, а когда их шаги замерли вдали, я, захватив ружье, спрыгнул с помоста и побежал домой, но не по тропе, а сквозь заросли, так как боялся встречи с неприятельским отрядом. Быть может, враги слышали шорох в кустах

и треск ломающихся веток, но меня это не смущало. «Они думают, что лось или олень бежит от людей»,— решил я.

Два раза я спотыкался и падал, раньше чем выбрался на просеку. Быстро миновал я форт и корраль — загон, куда помещали на ночь наших лошадей и лошадей Ки-па. У белых было двадцать лошадей, которых они привели из форта, находившегося при устье Иеллоустана.

Белые спали в достроенной комнате торговой станции. Я не стал их будить, зная, что они все равно меня не поймут. Побегал я прямо к нашему вигваму и разбудил спящих.

— Приближается военный отряд... большой отряд... кажется, ассинибуаны,— сказал я отцу.

— Должно быть,— ответил он.— Женщины, не шумите. И оставайтесь здесь, пока я вас не позову. А я пойду разбужу Ки-па.

У Ки-па сон был чуткий. Когда отец подошел к его вигваму и тихонько его окликнул, он тотчас же к нам вышел. Языка нашего он не понимал, а в темноте нельзя было объясняться знаками, но отец мой нашел выход. Положив на землю ружье, он взял Ки-па за обе руки и правую приложил к его шее, потом он обе его руки вытянул и соединил концы пальцев и наконец положил левую руку ему на грудь и накрыл ее правой рукой.

И Ки-па его понял. Разбойники... ассинибуаны... их много...— вот значение этих трех знаков. В ответ Ки-па взял за руки отца и объяснил ему, что «все должны идти в форт». Он разбудил своих помощников, и они тотчас же вышли, держа в руках ружья. Затем он приказал Са-куи-а-ки привести мою мать и сестру в достроенную комнату форта и заложить дверь болтом. К этой комнате примыкали с запада и востока две недостроенные. Белые разбились на два отряда, один из них направился в западную комнату, а другой, к которому присоединились мы с отцом, расположился в восточной. Во главе нашего отряда стоял Ки-па. Щели между бревен еще не были законопачены, и мы легко могли просунуть в них дула ружей. Прямо перед нами находился корраль.

— Ну, пусть идут ассинибуаны! — сказал мой отец.— Только бы они не мешкали. То-то мы повеселимся!

Да, отец мой любил войну.

Долго стояли мы, поджидая неприятеля, но ничто не нарушало тишины. Быть может, ассинибуаны хотели увести лошадей под покровом темноты, а быть может, ждали, когда взойдет луна. Второе предположение оказалось правильным. В полночь увидели мы на востоке бледный отсвет восходящей луны.

Когда луна ярко осветила долину, показались враги. Думали мы, что они придут из долины, но догадка наша не оправдалась: ассинибуаны появились со стороны реки; ползком приближались они к форту. Их заметил один из белых и тихим

свистом позвал нас. Все мы выстроились вдоль южной стены комнаты. Восемь ассинибуанов ползли по лужайке. Шепотом сказал я отцу, что в неприятельский отряд входило человек сорок или пятьдесят, а отец знаками передал мои слова Ки-па. Тот приказал нам не стрелять, пока он не даст сигнала.

Ближе и ближе подползали ассинибуаны, и наконец мы могли отчетливо их разглядеть. Воины были закутаны в кожаные одеяла, перехваченные на талии поясом; каждый держал в зубах лук, а из колчана торчали стрелы. Ружей у них не было.

Вскоре они разделились на две группы: четверо двинулись на запад, четверо — на восток. Часто они останавливались и прислушивались. Те четверо, которые были нам видны, прошли шагах в пятидесяти от нашей комнаты. Около задней стены корраля они встретились со второй четверкой.

Мы видели, как все они влезли на частокол и посмотрели вниз. Потом стали искать вход в корраль, а вход находился как раз около нашей комнаты.

Сначала они осмотрели западную стену корраля, затем двинулись в нашу сторону.

Вдруг из рощи, где были раскинуты вигвамы, донеслись выстрелы и торжествующие крики. Мы знали, что это значит: главный отряд ассинибуанов окружил наши два вигвама и стрелял в них, думая, что убивает нас, спящих.

Услышав выстрелы, восемь человек, за которыми мы следили, приостановились в нерешительности. И вот тогда-то один из белых выстрелил, не дождавшись сигнала. Впоследствии он говорил, что произошло это случайно. Тогда и мы стали стрелять, а первым выстрелил Ки-па. Вспышка пороха ослепила нас, и мы не попали в цель.

Поверишь ли, сын мой? Когда рассеялся дым, мы увидели, что убит только один человек, остальные семеро бежали к берегу. Да кое-кому из них не суждено было добежать до реки!

Белые, караулившие в западной комнате, выскочили из дома и стали стрелять в беглецов. Было у них шесть ружей, а убили они троих ассинибуанов. Между тем мы снова зарядили наши ружья и выбежали на лужайку, но было уже поздно: четверо уцелевших прыгнули в реку.

Крики, доносившиеся из рощи, смолкли, как только загремели наши ружья. Снова спустилась тишина. Отец мой четыре раза гикнул, а затем громким голосом запел песню победителя.

— Пусть они знают, на кого посмели напасть! — сказал он мне.

До утра мы оставались в форте, и никто не сомкнул глаз, но ассинибуаны нас больше не тревожили. Когда рассвело, Ки-па приказал бросить четырех убитых в реку.

Все наши съестные припасы хранились в вигвамах. Двое белых остались сторожить лошадей, а мы все отправились в

рощу. Шли мы очень медленно и, раньше чем войти в лагерь, кольцом окружили маленькую рощу.

Как мы и предполагали, ассинибуаны давно ушли. Оба вигвама имели жалкий вид. Кожаные покрышки были продырявлены стрелами и пулями. Стрелы густо усеяли наши лежа из звериных шкур, и было их столько, сколько игл на дикобразе. Но все вещи оказались на своих местах. По-видимому, ассинибуаны не успели войти в вигвамы и обратились в бегство, как только началась стрельба около форта. Убедившись, что враги ушли из рощи, отец послал меня за матерью, сестрой и Са-куи-а-ки.

Женщины приготовили всем нам поесть, а затем Ки-па и Са-куи-а-ки переселились в форт и перетаскивали туда все свои вещи; мы же перенесли наш вигвам к самым стенам корраля. Начиная с этого дня мы не выгоняли наших лошадей на равнину, паслись они на опушке леса.

Когда волнение в лагере улеглось, мой отец впал в уныние. Он не позволил мне вернуться на мой помост и поститься.

— Наш сын не обретет «тайного помощника», сколько бы ни постился,— сказал он матери.— Боги прогневались на меня за то, что я потерял Трубку Грома.

В течение нескольких дней мы не ходили смотреть наши западни для бобров. Когда же мы убедились, что неприятельский отряд покинул эти края, бобры, попавшие в ловушки, уже начали гнить.

Снова расставили мы западни и поехали на охоту. Отец, скакавший на быстрой лошади, убил одной стрелой молодого бизона. Он был метким стрелком. Выходил ли он на охоту пеший, или скакал верхом — стрелы его всегда попадали в цель.

Зная, что путь к родному племени для нас отрезан, мы — мать, сестра и я — рады были бы остаться в окрестностях форта. Но отец мой скучал: с белыми не было у него ничего общего. И потеря трубки не давала ему покоя. Да и мать моя считала, что эта потеря предвещала для всех нас беду.

Наконец набралось у нас достаточно бобровых шкурок, чтобы купить седло. Отец отнес их Ки-па и обменял двадцать три шкурки на седло и кое-какие вещи для моей матери и сестры. На следующее утро мы должны были покинуть лагерь и отправиться на поиски большебрюхих.

Узнав об этом, Ки-па вручил нам подарки, которые просил передать старшинам племени большебрюхих.

— Скажите им, что я останусь здесь в форте. Пусть несут они сюда бобровые шкурки.

В тот день отец мой был весел и счастлив: Ки-па подарил ему талисман, дарующий огонь,— тонкий, круглый кусок камня, похожего на лед и наделенного волшебной силой. Нужно было поддержать его над пучком сухой травы или листьев так, чтобы падали на него лучи солнца,— талисман притягивал священный

огонь с неба, и трава загоралась. Отец был уверен, что этот талисман могущественнее, чем пропавшая Трубка Грома.

На следующее утро тронулись мы в путь, и путешествие наше прошло без всяких приключений. К вечеру второго дня мы отыскиали лагерь большебрюхих, раскинутый на берегу Маленькой — или, как вы, белые, ее называете, Молочной — реки, к северу от западных отрогов гор Медвежья Лапа. Мы въехали в лагерь, и нам указали дорогу к вигваму Короткого Лука. Был он вождем племени и близким другом моего отца.

Весть о нашем приезде опередила нас. Мы подъехали к вигваму, сошли с коней, и отец мой откинул занавеску у входа, как вдруг из-за вигвама выбежал вождь, бросился к отцу и, обнимая его, воскликнул:

— Я тебя увидел раньше, чем ты меня! Я дарю тебе трех лошадей!

Таков был обычай в те далекие времена. Друзья, встречаясь после долгой разлуки, старались удивить друг друга и порадовать каким-нибудь подарком. Отец подосадовал, что не он первый порадовал друга подарком, но радушный прием был ему по душе.

— Мой вигвам — твой вигвам, — сказал Короткий Лук. — Входи, отдохни и поешь.

Женщины вышли из вигвама, поздоровались с моей матерью и сестрой и начали снимать с лошадей поклажу. Потом помогли они матери раскинуть вигвам, а я погнал лошадей на пастбище, стреножил вожakov табуна и вернулся в лагерь.

Наш вигвам был уже разбит, постели сделаны, все приведено в порядок. Родители и сестра сидели в вигваме Короткого Лука. Я присоединился к ним, а женщины поставили передо мной тарелку с мясом.

Короткий Лук, рослый и красивый, был человеком храбрым и великодушным, потому-то избрали его большебрюхие вождем всего племени. Он владел могущественным талисманом — небесным огнем, ниспосланным молнией. Я знал историю этого талисмана. В далекие времена отец его отца вышел на охоту, а в колчане у него было только три стрелы. Дичи в лесу водилось много, но ему не повезло, и долго бродил он по лесу. Наконец подошел он на расстояние выстрела к большому оленю. Он спустил тетиву, но промахнулся, а кремневый наконечник стрелы, ударившись о скалу, разбился.

Ближе подкрался он к оленю, выстрелил, снова промахнулся и нигде не мог найти второй стрелы. Пошел он дальше. Олени, почуяв его приближение, бросались в заросли раньше, чем успевал он прицелиться. Осталась у него только одна стрела, и он не хотел рисковать.

На закате солнца увидел он молодого оленя, который стоял на крутом берегу реки. Осторожно пополз он к нему, а олень безмятежно щипал траву и не чуял беды. Подкравшись к нему

совсем близко, охотник прицелился и спустил тетиву. Со свистом пролетела стрела над спиной оленя и упала в реку.

Тогда сказал себе охотник:

— Я — хороший стрелок, но сегодня я промахнулся трижды и потерял три стрелы. Видно, не ждать мне удачи. Пойду-ка я домой.

Он отправился в обратный путь и шел быстро, но темная ночь застигла его далеко от лагеря. Черные грозовые тучи заволокли небо, и в двух шагах ничего не было видно. Часто он спотыкался и падал и наконец чуть было не полетел с крутого берега в реку. Тогда решил он дальше не идти и ждать рассвета. Вытянув руки, прошел он еще несколько шагов, нащупал ствол большого тополя и опустился на землю.

Разразилась гроза, молния разрезала небо, ветер гудел над его головой, но дождя не было. И вдруг в нескольких шагах от испуганного охотника молния ударила в старое сухое дерево. С оглушительным треском повалилось оно на землю, ломая ветви соседних деревьев. И кора на упавшем дереве загорелась. Сначала появилась только маленькая искорка, но с каждой минутой разгоралась она ярче и ярче, и вскоре весь ствол был охвачен огнем, зарево осветило лужайку, и человек увидел мертвого оленя — большого самца, лежавшего около дерева, в которое ударила молния. Подивился он, кто убил этого оленя и почему медведи или волки его не сожрали.

И наконец полил дождь, холодный, пронизывающий, и человек промок до костей. А огонь медленно поедал сухую кору расщепленного дерева. Молния — страшное, смертоносное оружие Птицы Грома — зажгла этот огонь, а к священному огню приближаться опасно.

Но охотник был храбрым человеком. Кожаная его одежда пропускала влагу, и, дрожа от холода, сказал он себе:

— Возьму-ка я щепку, загоревшуюся от священного огня, и разложу костер, чтобы согреться.

Поборов страх, направился он к дереву, чтобы отодрать кусок горящей коры. Проходя мимо оленя, он остановился. Глаза животного были широко раскрыты, и казалось оно живым. Человек наклонился и потрогал его рукой: тело было еще теплое и мягкое.

И вдруг он все понял: Птица Грома сжалилась над ним. Узнав, что потерял он три стрелы, она зажгла этот огонь и убила оленя, чтобы охотник утолил голод. И страх покинул человека. Смело подошел он к горевшему стволу, взял кусок коры и разложил большой костер. Кремневым ножом он вырезал кусок мяса из бока оленя, поджарил его и съел. Потом прислонился спиной к стволу тополя и стал греться у костра.

Гроза пронеслась. Засверкали на небе звезды, взошла луна, но человек ничего не видел: он спал. А во сне тень его, скитаясь

по земле, встретила Птицу Грома, и птица повелела ему всегда поддерживать огонь, упавший с неба.

На рассвете он проснулся, вспомнил свой сон и слова Птицы Грома. Из влажной глины сделал он горшок и положил в него кусок гнилого дерева и красный уголек. Глиняной крышкой он прикрыл горшок, но сделал в ней дырочку, чтобы огонь мог дышать. Сын мой, огонь, как и человек, умирает, если нечем ему дышать. И охотник понес домой огонь, упавший с неба.

Войдя в свой вигвам, приказал он женщинам затоптать старый костер и, раздув уголек, тлеющий в горшке, разложить новый. И начиная с этого дня священный огонь не угасал в вигваме. На ночь прикрывали его золой, а когда племя кочевало по равнинам, женщины несли огонь в глиняной посуде. Переходил он от отца к сыну и, должно быть, и по сей день живет в вигваме сына Короткого Лука.

Теперь ты знаешь, сын мой, историю того огня, вокруг которого сидели мы в лагере большебрюхих. И вскоре ты поймешь, почему рассказал я тебе об этом.

— Какие новости принес ты мне? Что делается в лагере пикуни? — спросил Короткий Лук, протягивая отцу зажженную трубку.

— Я навсегда покинул пикуни. Я не вернусь к этому неблагоприятному племени, — ответил отец.

— Не может быть! — воскликнул Короткий Лук, испытующе всматриваясь в наши лица.

— Будет так, как я сказал! — громко крикнул мой отец.

Потом рассказал он, что заставило его покинуть лагерь пикуни. Когда он умолк, спустилась тишина, и никто не прерывал молчания. Отец рассердился.

— Ха! Почему вы молчите? — спросил он. — Или вы не рады, что я вошел в ваше племя?

— Я говорил тебе, брат, что мой вигвам — твой вигвам, — отозвался Короткий Лук. — А теперь я скажу: мой народ — твой народ. Но вот тебе мой совет: поживи с нами, а потом вернись к родному племени. Ни мы и никто другой не заметят тебе пикуни.

— У пикуни нет сердца! К ним я не вернусь. Я останусь с вами, — сказал отец.

Позднее, когда в вигваме вождя собрались воины и старшины, отец передал им слова Ки-па и рассказал о постройке нового форта. Эта новость обрадовала большебрюхих. Они редко посещали форт на реке Иеллоустон, потому что в тех краях жили индейцы враждебного им племени сиу, а форт Красных Курток находился далеко на севере. Вот почему они охотно согласились вести торговлю с Ки-па и решили заняться ловлей бобров. Нам показалось, что все большебрюхие рады были принять нас в свою среду.

Так как далеко не все большебрюхие говорили на нашем наречии, то отец, разговаривая с ними, пояснял свои слова знаками. Рассказал он о нашей встрече с военным отрядом ассинибуанов и о пропавшей священной трубке. Когда он закончил свой рассказ, все ему посочувствовали, а Короткий Лук сказал:

— Брат, это тяжелая потеря. Что же ты будешь теперь делать?

— Есть у меня другой талисман, я его получил от белого торговца, — ответил отец. — Этот талисман притягивает огонь с неба. А трубку свою я отыщу. Ассинибуаны — трусы, собаки! Я проберусь в их лагерь и найду трубку.

Человек, сидевший против моего отца по другую сторону костра, засмеялся презрительно и недоверчиво. Все покосились на него. Наклонившись вперед, он знаками сказал отцу:

— Ассинибуаны — храбрые воины. А пикуни — трусы, собаки!

Потом он встал, завернулся в одеяло и медленно вышел из вигвама.

Мой отец был так удивлен, что в первую минуту растерялся и ничего не ответил. Наконец он повернулся к Короткому Луку и спросил:

— Так ли я его понял? Кто он?

— Ассинибуан, — ответил вождь. — В начале прошлой зимы он и его жена пришли к нам пешком. Он сказал, что поссорился со своим племенем и навсегда его покинул. Нас он просил сжалиться над ним и приютить его. Мы исполнили его просьбу. Он живет в вигваме Черного Кролика, стережет его лошадей и приносит ему свою охотничью добычу.

— Я его проучу! Никто не смеет называть меня собакой, трусом! — крикнул отец, бросаясь к выходу.

— Нет, брат! — воскликнул Короткий Лук, удерживая его за руку. — Здесь, в нашем лагере, ты не должен с ним драться. Мы обещали взять его под свою защиту и не нарушим данного слова.

— Но он обругал меня... пикуни!

— Ты первый стал ругаться, — напомнил ему Короткий Лук. — Послушай, ведь не тебя он ругал, а пикуни. Ты же сам говорил, что навсегда ушел от своих соплеменников. Пусть он их ругает. Не все ли тебе равно, если ты теперь не пикуни?

Мой отец отталкивал вождя, который удерживал его за руку. Ему хотелось бежать за ассинибуаном, но, услышав последние слова Короткого Луки, он перестал сопротивляться, без сил опустился на ложе из звериных шкур и умолк. Кажется, только теперь начал он понимать, какие последствия влечет за собой его поступок. Да, перестав быть одним из пикуни, он потерял право их защищать. Гордость его была задета, а он не мог стереть оскорбление, нанесенное ассинибуаном.

Вскоре ушли мы в свой вигвам и улеглись спать. Так закончился наш первый вечер в лагере большебрюхих.

Я спал плохо. Мне не давала покоя мысль о наших лошадях. Перед тем как лечь спать, я хотел еще раз проверить, хорошо ли стреножены вожаки табуна, но устал и поленился идти на пастбище. Как только рассвело, я потихоньку встал, оделся и пошел посмотреть на лошадей. Идти мне пришлось пешком, потому что весь наш табун мы выгнали на пастбище. Отец не видел необходимости привязывать лошадей к колышкам перед вигвамом, так как каждую ночь большебрюхие посылают отряд юношей, на обязанности которых лежало караулить табуны и предупреждать о приближении неприятельских отрядов.

Я внимательно осмотрел долину реки и поднялся на равнину, где паслись табуны, принадлежавшие большебрюхим, но нигде не видно было наших лошадей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Взошло солнце, а я, потеряв надежду найти наш табун, вернулся в лагерь.

— Лошади наши пропали! Кто-то угнал наших лошадей! — крикнул я, вбегая в вигвам.

— Никто не мог их угнать. Просто-напросто ты их не нашел, сынок, — спокойно отозвался отец. — Если бы они пропали, то вместе с ними были бы уведены и табуны большебрюхих, и в лагере поднялась бы тревога. А сейчас все спокойно. Ты ошибся, сынок. Отдохни, поешь, а потом мы с тобой отыщем табун.

В эту минуту Короткий Лук вышел из своего вигвама и стал выкрикивать имена воинов, которых он приглашал на пир. И первое имя было имя моего отца. Отец побежал к реке, умылся, расчесал и заплел волосы в косы, натер лицо и руки священной красно-бурой краской и отправился в вигвам Короткого Лука.

Как только он ушел, мать спросила меня:

— Уверен ли ты, что наших лошадей украли?

— Совершенно уверен,— ответил я.— Я их искал в лесу, у реки, я поднимался на равнину. Их нигде нет. Я знаю, что враги их угнали.

Мать вздрогнула.

— Ну, что ж! Я этого ждала,— задумчиво проговорила она.— Не видать нам счастья, пока Одинокый Бизон не вернется к пикуни. Если бы жили мы в лагере пикуни, лошади наши остались бы целы.

Сестра заплакала. Лошадей — и особенно маленьких жеребят — она любила больше, чем своих кукол.

Между тем в вигваме Короткого Лука Черный Кролик объявил, что ассинибуан и жена его скрылись. Ушли они тайком среди ночи и унесли все свое имущество, свои седла и лассо.

Услышав это, отец воскликнул:

— Мой сын прав! Сегодня утром он нигде не мог найти наших лошадей и решил, что их украли, а я ему не поверил. Да, лошадей украли, их увел этот ассинибуан!

— Сейчас мы узнаем, украдены они или нет,— сказал Короткий Лук.

И он приказал лагерному глашатаю созвать юношей и отправить их на поиски нашего табуна.

Пир продолжался, но отец ничего не мог есть.

Старуха, мать Короткого Лука, заглянула в наш вигвам и сообщила нам, что ассинибуан со своей женой покинул лагерь, а отец мой думает, что он-то и угнал наш табун. Мы с матерью разделяли опасения отца и не ошиблись. Вскоре вернулись юноши, посланные на разведку, и объявили, что лошадей наших не нашли, но видели следы их в траве, ведущие к низовьям реки. Как выяснилось впоследствии, один из ночных сторожей видел ассинибуана, бродившего ночью среди табунов. Думая, что он входит в караульный отряд, сторож не обратил на него внимания и ничего ему не сказал.

После недолгого совещания отец мой и Короткий Лук решили, что преследовать ассинибуана не стоит, так как он успел ускакать далеко от лагеря. Теперь нужно было узнать, где находится его племя, а затем попытаться увести лошадей.

— Да, так я и сделаю,— сказал отец.— Все равно я должен был идти за своей трубкой в лагерь ассинибуанов. Кто из молодых воинов пойдет со мной?

— Брат, тебе придется идти одному,— ответил Короткий Лук.— Прошлым летом мы заключили мир с ассинибуанами и не можем его нарушить.

Отцу это не понравилось. Большебрюхие пользовались покровительством наших трех племен — пикуни, черноногих и крови — и без нашего согласия не имели права заключать мир с нашими врагами. Отец пожаловался на это матери.

— Верно, — сказала она ему. — Но тебя это не касается: ведь ты теперь не пикуни.

Эти слова заделали отца. Он не ответил ни слова и долго молчал. Наконец приказал он моей матери приготовить запасную пару мокасинов: решил он отправиться в путь этой же ночью и отыскать лагерь ассинибуанов.

В то время большебрюхие находились в долине Молочной реки. Днем отец еще раз заглянул в вигвам Короткого Лука и долго с ним беседовал. Вождь обещал ему заботиться о нас, пока он не вернется. После полудня отец отправился в священный «вигвам для потенья», чтобы очиститься перед дальней дорогой.

Когда зашло солнце, взял он свое ружье и сверток с сушеным мясом, военным убором, веревками и запасными мокасинами и распрощался с нами. Мать и сестра смотрели ему вслед и плакали.

У нас осталось три лошади — подарок Короткого Лука. Мать ездила в лес за дровами, а я охотился. Хотя я был еще мальчиком, но на мне лежала обязанность кормить семью. В лагере большебрюхих у меня было много сверстников-друзей; особенно привязался я к трем подросткам, матери которых были родом пикуни. Эти трое, да и другие мальчуганы, говорили на моем родном языке. Прежде мы часто вместе играли и охотились на кроликов. Но теперь я не принимал участия в их играх. Мне случалось убивать бизонов, — мог ли я после этого охотиться за кроликами?

Беспокоила меня также мысль о нашем будущем. Родное племя мы навсегда покинули, отец ушел, и мы не знали, вернется ли он когда-нибудь, и были мы бедны, очень бедны. Имея только трех лошадей, мы не могли перевозить на них все наши пожитки и вигвам, когда племя снималось с лагеря. Не удивительно, что мне было не до игр.

Юноши в лагере большебрюхих не обращали на меня внимания. Для них я был слишком молод. Они не принимали меня в свою среду, никогда не приглашали на свои собрания. Со мной им не о чем было говорить. И я чувствовал себя одиноким.

Спустя три дня после ухода отца большебрюхие переселились к верховьям реки, где водилось много бобров. Короткий Лук дал двух лошадей для перевозки нашего имущества, но нам самим пришлось идти пешком. И никто не предложил нам лошади, хотя сотни лошадей бежали без поклажи. И целый день брели мы пешком под палящим солнцем.

Как непохожи были эти большебрюхие на наших соплеменников! Пикун — добрые люди. Никогда не допустили бы они, чтобы гости их шли пешком.

Вечером, когда мы раскинули вигвам, я сказал матери, что мне пора приниматься за работу.

— Я буду ловить бобров, а шкуры их обменяю на лошадей. Если отец не пригонит домой нашего табуна, лошади у нас все-таки будут. А потом я пойду на войну и отниму лошадей у наших врагов.

— Ты — храбрый мальчик, — ответила мать. — Ты будешь ловить бобров и охотиться для нас. Но раньше чем идти на войну, ты должен увидеть вещий сон и заручиться «тайным помощником». Тебе не позволят отлучаться из лагеря, если ты еще не постился и нет у тебя «тайного помощника».

Я согласился начать священный пост, а мать с сестрой пошли в лес и построили для меня помост на дереве.

На закате солнца Короткий Лук позвал меня в свой вигвам, и я немедленно явился на зов. Он выкрасил мне лицо священной красной краской, а на лбу нарисовал черную бабочку — знак счастливых сновидений.

Мать и сестра устроили помост в ветвях большого старого тополя в ущелье, к югу от реки. Вряд ли могли заглянуть сюда враги. А большебрюхие, зная, что я пощусь, ни за что не приблизились бы к этому месту и не нарушили бы моего одиночества.

Когда я влез на дерево и растянулся на помосте, мать и сестра вернулись в лагерь. Спустилась ночь, и я крепко заснул.

Четверо суток провел я на этом помосте. Каждое утро мать и сестра приносили мне воду, спрашивали здоров ли я, и потихоньку ухаживали.

Первые два дня мне очень хотелось есть, потом я перестал думать о еде. Часами лежал я на своем помосте и припоминал рассказы стариков о том, как обрели они во сне «тайных помощников». Когда я засыпал, тень моя блуждала по горам и равнинам и беседовала с тенями древних животных — тех первых животных, населявших землю, которые, как и наши протцы, говорили только на одном языке — на языке пикуни.

Да, я беседовал с ними, просил у них помощи, но сны мои обрывались. Я просыпался и лишь смутно мог припомнить, что видел во сне. Быть может, сон мой тревожен потому, что я беспокоился об отце. Мысль о нем не покидала меня. Я представлял себе, как бредет он ночью, печальный и одинокий, отыскивая лагерь ассинибуанов, а днем прячется в зарослях. Знал я, что на каждом шагу угрожает ему опасность.

Сын мой, настала четвертая ночь. Я ослабел от голода и уже терял надежду увидеть вещий сон. Снова стал я припоминать рассказы стариков и предания нашего племени, которые знал с детства. Наконец я заснул.

Слушай, сын мой, вот что приснилось мне. Усталый, шел я по равнине. Было мне жарко и хотелось пить. Я спустился в долину, где протекал ручей; утолив жажду, я уселся на берегу. Ворон пролетел над моей головой. Я воззвал к нему о помощи и, повернувшись, долго смотрел ему вслед, но он ни-

чего мне не ответил. Когда он скрылся из виду, я снова повернулся к ручью. На песке, у самой воды, сидели в ряд четыре животных, которые водятся на земле и в воде. Не могу тебе сказать, что это были за животные. Ты знаешь, мы никогда не произносим вслух имен наших «тайных помощников».

Один из этих зверьков сказал мне:

— Мы слышали, как ты взывал о помощи. Что с тобой? Не можем ли мы помочь тебе?

— Да, да, помогите мне! — воскликнул я. — Долго скитался я по равнинам, ко многим животным обращался за помощью, и никто не откликнулся на мой зов.

— Да, мы слышали, как призывал ты Древнего Ворона. Мы — четверо братьев, четверо древних животных. В далекие времена мы и твои праотцы жили в дружбе. И теперь мы согласны быть твоими «тайными помощниками». Следуй за нами в наш вигвам.

Жили они не в вигваме, а в пещере. Вдоль стен тянулись лежа из травы, а на стенах висели красивые одежды. С любопытством осматривался я по сторонам. Один из братьев снова заговорил со мной, и вдруг все четверо превратились в людей. Да, сын мой, все древние животные могли в любое время принимать облик человека. Братья еще раз обещали мне свою помощь, а затем позволили мне уйти.

Тень моя вернулась к моему телу, я проснулся и припомнил свой сон. О, как я был рад, что закончился для меня тяжелый пост! И обрел я не одного, а четверых помощников. До рассвета я лежал на своем помосте, потом спустился на землю, побегал домой и рассказал свой сон матери и Короткому Луку.

Узнав, что я окончил священный пост, юноши в лагере большебрюхих приняли меня в свою среду, стали приглашать на свои собрания и заглядывали в наш вигвам, чтобы поболтать со мною. Больше я не чувствовал себя одиноким. Я ездил с ними на охоту и привозил домой мясо и шкуры убитых животных. Я расставлял западни и каждое утро находил в них двух-трех бобров. В то время как я постился, один из воинов побывал в форте Ки-па и привез домой красивые одеяла, бусы, табак, ножи и западни. Теперь все племя загорелось желанием обменивать меха на товары белых людей, все стали ловить бобров. У большебрюхих много было лошадей, и стоили они дешево. За хорошую лошадь, приученную к охоте на бизонов, я отдал трех бобров. Вьючную лошадь можно было купить за одну бобровую шкурку. Те, у кого не было капканов, охотно покупали у меня бобров, сами сдирали с них шкурки и сушили их. Мы трое — мать, сестра и я — работали с утра до ночи и были бы счастливы, если бы мысль об отце нас не тревожила. Летели дни, а он не возвращался. Однажды моя мать прошла по всему лагерю и оповестила всех о том, что она дает обет

сжечь во славу Солнца священный вигвам, если одинокий путник к нам вернется.

Каждое утро мать и сестра ходили со мной к реке, где расставлены были западни, и помогали сдирать шкурки с бобров. Я купил много лошадей, и теперь нам не пришлось бы идти пешком, если бы большебрюхие вздумали переменить место стоянки.

В те дни, когда не нужно было идти на охоту, я сам выгонял на пастбище своих лошадей. Много было у меня с ними возни. Они упорно возвращались к тем табунам, с которыми паслись раньше, а я хотел, чтобы они привыкли одна к другой и паслись вместе. Одних я привязывал друг к другу короткими веревками, других стреноживал, но некоторые все-таки убегали к старым своим табунам, и каждый день рыскал я по пастбищу, отыскивая их. Домой я приходил в сумерках, ел и ложился спать.

Думали мы, что лагерь ассинибуанов находится при устье реки, не очень далеко от места нашей стоянки. Этот путь можно было пройти пешком в пять дней. После ухода моего отца мы начали считать дни, и каждый вечер я делал зарубку на палке. Прошло двадцать дней. За это время он успел бы дважды спуститься к устью реки и вернуться назад. Мать сказала нам:

— Дети, тревожно у меня на сердце. Боюсь, что больше не увидим мы вашего отца.

Я разделял эти опасения, но старался успокоить мать.

Как-то вечером я делал тридцатую зарубку на палке, как вдруг чья-то рука отодвинула занавеску у входа, и в вигвам вошел отец. Он едва держался на ногах и, наверно, упал бы прямо в костер, если бы я не подбежал к нему и не обнял за плечи.

Поддерживая его под руки, мы подвели его к постели и помогли ему улечься.

Я заметил, что нет у него ни колчана, ни лука. «Где же они? — дивился я. — И где его прекрасный боевой наряд в корбке, украшенный бахромой и рисунками? Почему правая его рука распухла и почернела?» О, как он исхудал! Скелет, обтянутый кожей. Большие его глаза ввалились. Нас он словно не замечал и дико осматривался по сторонам.

Взгляд его пал на мешок, в котором хранились талисманы. Мешок этот подвешен был к шесту вигвама, над постелью. Дрожащей рукой указал он на него и прошептал:

— Сними его с шеста. Вытащи из него все, что там есть.

Я повиновался, засунул руку в мешок и достал подарок Ки-па — талисман, притягивающий огонь с неба. Я показал его отцу.

— А! Вот он! Я забыл взять его с собой, — слабым голосом проговорил он.

Мать подала отцу деревянную тарелку с похлебкой. Ел он с жадностью и попросил еще. Потом захотелось ему мяса, но мать не дала.

— Сейчас же дай мне мяса, я умираю от голода,— приказал он.

Мать покачала головой и ответила:

— Нет. Нельзя. Сначала отдохни, а потом можешь поесть мяса.

Он закрыл глаза и тотчас же заснул, сжимая в руке талисман Ки-па. Мы подбрасывали хворост в костер и не спускали глаз с отца. Пришел Короткий Лук, осмотрел распухшую руку своего друга и сказал, усаживаясь подле меня:

— Много он страдал, но теперь скоро поправится.

Проснулся отец среди ночи и снова попросил есть. Мать дала ему похлебки и мяса, он с жадностью набросился на еду и съел все до последнего кусочка. Тогда только заметил он, что в вигваме сидит Короткий Лук.

— Ха! Это ты, друг мой! — сказал он.— Я рад тебя видеть.

— Вот ты и вернулся к нам,— отозвался Короткий Лук.— Мы также рады тебя видеть.

— Не надеялся я вернуться к жене и детям,— проговорил отец.— Слушайте, вот что случилось со мной:

«Четыре ночи шел я долиной реки и наконец спустился к устью. На рассвете пятого дня увидел я вдали дымок, поднимающийся над долиной. Я знал, что это дым костров в лагере врага. Позднее показались на равнине всадники, выехавшие на охоту.

Я спрятался в зарослях и ждал ночи. Враги завладели моей Трубкой Грома, которая нужна была мне для молитвы, но у меня остался другой талисман — подарок белого человека. Я хотел притянуть с неба огонь, надеясь, что тогда Солнце заметит меня и услышит мой зов. Я раскрыл коробку с боевым снаряжением, стал искать волшебный кусок льда, но не нашел. Я был уверен, что взял его с собой в дорогу. Неужели я его потерял? Тяжела была мне эта потеря.

Настала ночь, и я приблизился к лагерю врага. Тускло мерцали огни в вигвамах. Сначала хотел я найти лошадей, а потом пробраться в лагерь и отыскать Трубку Грома. Взошла луна, когда я вышел на пастбище, где паслись табуны ассинибуанов, но моих лошадей нигде не было видно.

Тогда решил я сначала отыскать трубку, а потом угнать один из табунов, принадлежащих ассинибуанам. Лагерь был раскинут на открытой поляне, и мне пришлось пробираться ползком и прятаться в высокой траве. Когда я находился на расстоянии сотни шагов от первых вигвамов, справа от меня послышался шорох. Это была «настоящая змея» *. Не успел

* «Настоящая змея» — ни-топ-и-пик-сек-син — гремучая змея.— *Прим. авт.*

я свернуть в сторону, как она ужалила меня в руку. В ужасе я едва не закричал и вскочил, а змея сорвалась с моей руки. Я поднес к губам ужаленную руку и, высасывая кровь из ранки, бросился бежать. Не знаю, почему побежал я прочь от Маленькой реки, на юг, к Большой реке, и стал взбираться на холм. Рука моя распухла и горела, словно охваченная огнем. Никогда еще не испытывал я такой мучительной боли.

Я спустился с холма в долину Большой реки и увидел ручей, струившийся в ущелье. Без сил упал я на берегу ручья и сунул руку в холодную жидкую грязь. Сначала я почувствовал облегчение, но вскоре боль снова усилилась; казалось мне, что грязь нагревается от огня, пожирающего мою руку. Когда рассвело, я понял, что дело плохо. «Сейчас пойду я по тропинке, ведущей в Страну Песчаных холмов»,— подумал я и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, как вы думаете, где я был? На островке на Большой реке! Как я попал туда? Не знаю. Сколько времени провел на островке? Тоже не знаю. Пропали мои стрелы и лук, мое боевое снаряжение, мокасины и сушеное мясо. Должно быть, в беспамятстве я бросил в реку все свои пожитки или забыл их где-нибудь на берегу. Искать их не имело смысла. Рука моя распухла до локтя, но боль утихла. Я побродил по островку, нашел какие-то съедобные корни и съел их.

Когда спустилась ночь, я покинул островок и вплавь добрался до северного берега. Я не знал, где нахожусь. Поднявшись на равнину, я стал ждать рассвета, и когда, наконец, рассвело, увидел на севере Волчьи горы. Сначала я не поверил своим глазам. Неужели мог я, скитаясь в беспамятстве, зайти так далеко? Немедленно тронулся в обратный путь. Знал я, что по равнинам рыщут военные отряды, но опасность меня не страшила. Нужно было спешить, малейшее промедление грозило смертью, потому что я потерял свое оружие и мне нечего было есть.

Проходили дни. Съедобных корней попадалось все меньше и меньше, и я терял силы. Наконец увидел я долину Маленькой реки и стал подниматься к истокам. Когда вдали показались тусклые огни, я едва передвигал ноги. Если бы пришлось мне идти еще несколько часов, я не добрался бы до дома».

— Ха! Тебе повезло,— сказал ему Короткий Лук.— Из тех, кого ужалит «настоящая змея», редко кто остается в живых.

Отец ничего не ответил — он снова заснул. Когда ушел Короткий Лук, мы тоже улеглись спать.

Проснулся я на рассвете. Отец спал крепким сном. Я попросил мать ни слова не говорить ему о тех лошадях, которых я выменял на бобровые шкурки. Поев, я вышел на пастбище, поймал двух лошадей и вместе с сестрой поскакал к реке, где

были расставлены западни. Сестре я сказал, что сегодня хочу поскорее закончить работу, а затем пригнать наш табун к лагерю, вызвать отца и показать ему, что мы приобрели за время его отсутствия. Я думал, что он обрадуется, увидев табун в сорок голов. Когда отец тридцать дней назад покинул лагерь, было у нас только три лошади — подарок Короткого Лука.

Накануне я расставил западни дальше к верховьям реки, куда не заходили другие ловцы бобров. Там, где тянулась вдоль реки роща молодых тополей, бобры — эти маленькие дровосеки — проложили тропы, по которым таскали к реке зеленые полевые ветки. С этими ветками они переправлялись к противоположному крутому берегу, где находились их жилища, и погружали их на дно реки. К зиме они собирали большие охапки веток, а когда лед сковывал реку, они тащили ветки в свои жилища и объедали кору. Белые палки с объединенной корой они спускали под лед, и течение их уносило.

Весной и летом они не запасались ветками. Запасы на зиму они делали, когда листья, падающие с деревьев, возвещали приближение холодов. Но и теперь бегали они каждую ночь по тропинкам, ведущим от реки к роще, и я был уверен, что найду бобров в трех моих западнях.

Мы привязали лошадей на опушке леса и крадучись стали спускаться к реке. Я держал наготове ружье, надеясь подстрелить оленя или лося, пришедшего на водопой.

Вдруг раздался громкий плеск неподалеку от того места, где была расставлена первая западня. Казалось, какое-то большое животное плескалось в реке.

— Стой здесь, а я пойду вперед и посмотрю, — сказал я сестре.

Сделав несколько шагов, я оглянулся: сестра шла за мной по пятам. Знаками я приказал ей остановиться. Она покачала головой и ответила также знаками:

— Нет, я пойду с тобой.

Спорить я не стал. Кусты скрывали от нас реку, и мы не видели, какое животное плещется в воде.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ползком я пробирался сквозь заросли и, наконец, раздвинув кусты, увидел реку. Сердце у меня замерло: большая старая медведица-гризли стояла на задних лапах в воде и мотала головой, словно высматривала добычу. Два крохотных медвежонка сидели на берегу и смотрели на мать.

Вдруг за ее спиной показалась головка бобра. Зверек набрал воздуха в легкие и скрылся под водой. Медведица быстро повернулась, подпрыгнула и опустилась на все четыре лапы, взбаламутив вокруг себя воду. Когти правой ее лапы застряли в звеньях цепи, привязанной к моей западне. Рванувшись вперед, она вытащила на поверхность воды западню, и я увидел большого бобра, попавшего в ловушку. Медведица разинула пасть, схватила зверька и двинулась к берегу.

У меня в глазах потемнело от бешенства. Я не хотел лишиться этой западни, и жалко мне было бобра, которого я мог обменять на сильную выючную лошадь. Но я боялся медведицы: много слышал я рассказов об охотниках, растерзанных

гризли — самым опасным из всех зверей. Однако гнев одержал верх над страхом.

Старая медведица добралась до берега. Оба медвежонка привстали на задние лапы и втягивали носом воздух, словно старались угадать, что держит она в пасти.

Колышек, к которому привязана была цепь западни, я вбил довольно далеко от берега, опасаясь, как бы бобр не выбрался на сушу и не освободился из западни. Должно быть, зверек только что попал в ловушку и пытался высунуть головку из воды, когда к реке подошла медведица.

Вдруг цепь натянулась, и медведица, разжав клыки, упустила бобра. Тихонько заворчала она от удивления и повернулась, чтобы снова поймать зверька.

Она стояла боком ко мне, и я решил не упускать удобного случая. Прицелившись ей в спину, я спустил курок. Медведица заревела от боли, а я вскочил, повернулся, чтобы убежать, и сбил с ног сестру. Я не знал, что она стоит за моей спиной. Конечно, Нитаки вскрикнула, и медведица услышала ее крик.

Я схватил сестру за руку и помог ей встать.

— Беги! — сказал я, оглядываясь через плечо.

Медведица громко ревела и, продираясь сквозь заросли, шла прямо на нас. Кровь лилась из ее разинутой пасти. «У нас есть надежда на спасение, — подумал я. — Эта алая пенистая кровь хлынула из простреленных легких. А если легкие прострелены, медведица скоро издохнет».

Нитаки бежала к опушке леса, где мы оставили лошадей. Я от нее не отставал, но медведица нас догоняла.

Снова вспомнил я слова Белого Волка: «Защищай мать и сестру. Круто свернул я в сторону, замедлил бег и громко крикнул, чтобы привлечь внимание медведицы. Забыв о Нитаки, она бросилась по моим следам. Я летел как стрела, но расстояние между нами уменьшалось с каждой секундой. Бросив ружье в кусты, я развязал пояс, сорвал с плеч одеяло и, скомкав его, швырнул через плечо. Медведица поймала его на лету и вонзила в него когти, а я успел добежать до молодого тополя и, как белка, вскарабкался на дерево».

Оглянувшись, я увидел, что медведица оставила одеяло и приближается огромными прыжками. Она громко сопела, и морда ее была покрыта кровью. Внезапно она тяжело упала на землю, а я, видя, что враг мой лежит неподвижно, издал победный клич.

Спрыгнув с дерева, я позвал сестру.

— Нитаки, беги сюда! — кричал я. — Медведица умерла!

— Уверен ли ты в этом? — откликнулась она.

— Да, да, уверен! Иди скорей!

Взявшись за руки, мы подошли к медведице. Величиной она была чуть ли не с самку бизона. Какая огромная

голова! Какие маленькие глазки! А когти на передних лапах были длиной с мою ладонь. Мы, индейцы, всегда думали, что медведи сродни людям и мало чем от них отличаются. Вот почему я не мог взять шкуру убитого зверя. Только знахари имели право отрезать кусок меха, чтобы завернуть в него священную трубку.

Но когти принадлежали мне по праву. Они были моим трофеем так же, как скальп является трофеем того, кто убивает врага. Я хотел сделать из них ожерелье и носить его на шее: пусть знают все, что я совершил подвиг. Ножом срезал я когти с передних лап, а Нитаки принесла мое разорванное, залитое кровью одеяло, и в него мы завернули когти. Потом я отыскал свое ружье и зарядил.

Мы спустились к реке. Медвежат на берегу уже не было. Я вошел по пояс в воду, выдернул колышек и вытащил на берег западную с попавшим в нее бобром. Клыки медведицы не испортили меха. Быстро содрали мы шкуру с бобра и снова поставили западную. В двух других западных мы не нашли зверьков.

Вернувшись на опушку леса, мы вскочили на коней и поехали домой. Проезжая пастбищем, я отыскал наших лошадей и погнал их к лагерю. Мать поджидала нас. Когда мы пригнали табун к самому вигваму, она позвала отца.

— Посмотри, как работал твой сын, пока тебя не было! — сказала она. — Это его лошади — все, кроме тех трех, которых подарил тебе Короткий Лук.

— Не может быть! — воскликнул отец.

— Брат ловил бобров и обменивал шкурки на лошадей, — вмешалась Нитаки. — А мы ему помогали. Каждое утро мы ходили с ним к реке.

Отец ни слова не ответил. Он уселся на землю и, прислонившись спиной к вигваму, не спускал глаз с лошадей.

— А вот еще одна шкурка, — сказала сестра, протягивая ему шкурку бобра. — Еще одна шкурка — еще одна лошадь.

Я развязал одеяло и положил его к ногам отца.

— Я убил медведицу. Я совершил подвиг. Вот ее когти. Смотри, какие длинные!

Как ты думаешь, порадовался он моей удаче? Засмеялся? Похвалил меня? Нет! Искоса посмотрел он на когти медведицы, отвернулся и пробормотал:

— Все счастливы, все довольны, мне одному не везет. Я беден, очень беден, ничего у меня нет.

— Нет, нет, отец, ты не беден, эти лошади твои... — начал было я, но мать меня перебила.

Она сердилась. Я видел, как сверкали ее глаза.

— А кто виноват в том, что ты беден? — крикнула она. — Ты! По твоей вине мы потеряли всех лошадей. Еще раз говорю тебе: вернемся к родному племени!

— Никогда! Никогда не вернусь я к пикуни! — резко оборвал ее отец. — Слушайте, жена и дети, — продолжал он, и голос его звучал мягче, — скоро я отдохну, соберусь с силами и снова пойду отыскивать наших лошадей и Трубку Грома. И в следующий раз я вернусь не с пустыми руками.

С этими словами он встал и, опираясь на руку матери, вошел в вигвам.

Летели дни. Я продолжал ловить бобров. Лошадей у нас было много, и теперь мы хранили шкурки, чтобы впоследствии обменять их на товары Ки-па. Отец отдыхал, сытно ел, и силы к нему возвращались. Но в дождливые дни у него болела рука, ужаленная змеей.

Однажды лагерный глашатай, проходя между вигвамами, возвестил о том, что на следующее утро племя снимается с лагеря и двинется к устью реки Марии, где находился торговый форт Ки-па. Услышав это, отец заявил, что чувствует себя здоровым и может отправиться в путь.

Путешествие прошло без всяких приключений. Через два дня мы раскинули вигвамы в долине Большой реки, неподалеку от форта. Ки-па рад был нас видеть. В честь старшин племени большебрюхих устроил он пир, и на этот пир позвал отца. Мать моя подружилась с Са-куи-а-ки, целые дни проводили они вместе.

Большебрюхие осаждали торговое помещение форта, где разложены были на полках товары. Много народу набилось в комнату. Всем хотелось поскорее пробраться к прилавку и обменять бобровые шкурки на материю, ружья, ножи. В лагере нашем было не меньше двух тысяч шкурок, а через пять-шесть дней они перешли в руки Ки-па, и полки в торговом помещении форта опустели. Но вскоре получены были новые товары. Из форта на реке Иеллоустон прибыли три большие лодки с грузом. Никогда еще не видели мы таких красивых вещей, как те, какими торговал Ки-па. Нравились нам яркие цветные одеяла, каких не было у Красных Курток, торговавших на севере. Всем хотелось иметь такое одеяло, и в лагере не осталось ни одной бобровой шкурки. Старшины собрались на совет и решали вопрос, где ставить западни на бобров.

В гости к Ки-па приехал белый начальник со своими помощниками. Жил он, по словам Ки-па, в далекой стране, которая лежит за великим соленым озером. Ему хотелось знать, как мы живем и какие животные водятся в нашей стране. Для него мы убивали зверей, птиц, насекомых, которых он решил увезти с собой на родину. Он скупал у нас не только шкуры, но и кости бизонов, лосей, медведей и других животных, больших и мелких.

Однажды пришли мы к нему в гости — мой отец, Короткий Лук и я. Он поймал паука и пришил его булавкой к куску бумаги. Потом положил он паука под какую-то странную

трубу. Если посмотришь в эту трубу — крохотная вещь покажется тебе очень большой.

Нам он приказал посмотреть в трубу на паука. По очереди подходили мы к трубе и заглядывали в нее. Мороз пробежал у меня по коже, когда я увидел паука. Я и не знал, что у него такая отвратительная голова, такие злые глаза и огромная пасть.

Потом он заставил нас посмотреть на каплю воды, и мы увидели, что копошатся в ней черви. Это было страшное зрелище. Белый человек сказал нам, что в каждой капле воды много таких червей, но, конечно, мы ему не поверили. Просто-напросто белый человек был знахарем, колдуном, этих червей он бросил в воду, чтобы показать нам, какой он великий колдун*.

Старшины порешили вернуться к Маленькой реке и заняться ловлей бобров у ее истоков. Рано утром оповестил нас об этом решении лагерный глашатай. Но и часа не прошло, как приказали ему снова объехать все вигвамы и выкрикивать: «Завтра мы не снимаемся с лагеря. Едут сюда пикуни. Едут наши друзья».

Нам эту весть принесла жена Короткого Лука, опередившая лагерного глашатая.

Лицо отца потемнело, брови сдвинулись, и пришлось нам скрывать нашу радость.

— Если они раскинут вигвамы около нашего лагеря, мы немедленно отсюда уйдем,— сказал он матери.

Она промолчала. Мы с Нитаки выбежали из вигвама и остановились у входа; вскоре подошла к нам мать. Видели мы, как Короткий Лук, старшины большешбрюхих, их воины и знахари выехали навстречу пикуни. А в вигваме сидел мой отец и посылал проклятья родному народу. Тяжело было у меня на сердце. Я видел слезы на глазах матери. Хотелось мне войти в вигвам и сказать отцу, что плохо он поступает, ненавистью отравляя нашу радость. Но я не посмел этого сделать.

Вскоре вернулся Короткий Лук со своими спутниками, а с ними ехал вождь Одинокый Ходок и старшины пикуни. Нас они не заметили и направились к вигваму Короткого Лука.

Мы не спускали глаз с долины реки. Наконец выехали из лесу первые всадники, а за ними, извиваясь словно змея, спустилась в долину процессия ехавших верхом пикуни. Остановились они на поляне у реки и начали снимать с лошадей поклажу. Мы побежали к ним, а навстречу нам летели радостные приветствия. Отыскиали мы наших родственников — Глаза

* Этот «белый знахарь» — несомненно Максимилиан, принц Вид, который летом 1833 года навел капитана Киппа в форте на реке Марии. Был он естествоиспытателем и путешественником и написал отчет о своем путешествии к верховьям Миссури («Путешествие по Северной Америке»).— *Прим. авт.*

Лисицы, Белого Волка, их жен и детей. Сколько было смеха, сколько пролито слез! Женщины и девочки всегда плачут от счастья.

Когда женщины раскинули вигвамы и пошли за водой и хворостом, Глаза Лисицы, Белый Волк и другие воины повели меня к реке, усадили на берегу и заставили рассказать обо всем, что с нами случилось с тех пор, как расстались мы с пикуни. Внимательно слушали они меня, передавая друг другу трубку, ни разу не перебили, пока я не рассказал им о встрече с медведицей, не показал ожерелья из когтей.

Тогда один старый воин хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Ха! Этот мальчик настоящий пикуни! Неужели я сказал — мальчик? Какой же он мальчик? Он — мужчина, воин!

— Аи! Правду ты сказал.

— Правдивы твои слова, древний старик! — подхватили остальные.

О, как обрадовался я этим похвалам!

Когда я закончил свой рассказ, воины долго молчали. Наконец заговорил Белый Волк:

— Что мне сказать о старшем моем брате? Стыдно мне за него! Должен был бы я на него рассердиться. Плохо он поступает, а хуже всего то, что свою жену и детей он подвергает великим опасностям. Но знаю я: несмотря ни на что, он — человек добрый и смелый. Одна беда — слишком он горд. И вот что я скажу: пожалеем его. Он несчастен. Он потерял свой талисман, потерял своих лошадей, змея его ужалила. Жалок он, очень жалок. Будем к нему снисходительны. Сделаем все, чтобы вернулся он в наш лагерь.

И воины согласились с Белым Волком. Хотелось им, чтобы отец помирился с пикуни. Я отыскал мать и сестру, и мы пошли домой. Отец на нас рассердился.

— Конечно, вы побывали в лагере пикуни. С ними вам веселее, чем со мной, — сказал он.

— Не сердись, ответила мать. — Ты знаешь, что всегда рады мы быть с тобой.

Он промолчал.

В нашем вигваме собрались гости. Первыми явились Белый Волк и Глаза Лисицы. Пришли и другие воины, друзья отца, которые не раз сражались бок о бок с ним. Ласково приветствовали они его, курили трубку, рассказывали о своей жизни и уходили, упрашивая его заглянуть к ним в вигвам.

Никогда еще не видел я отца таким пасмурным и молчаливым. Впервые он молчал и слушал, что говорили другие. Ему не о чем было говорить: новых подвигов он не совершил, его преследовали неудачи, а рассказывать о них он стыдился.

Белый Волк и Глаза Лисицы ушли от нас последними. Говорили они обо всем — только не о том, что было у них на уме. А хотелось им уговорить отца вернуться к пикуни.

Вечером пришел юноша, посланный вождем пикуни, Одиноким Ходоком. Великий вождь звал отца в свой вигвам выкурить трубку и принять участие в пиршестве. Отец вскочил и завернулся в свое одеяло. Сердце забилося у меня быстрее от радости: думал я, что отец пойдет на зов. У матери сияли глаза. Вдруг отец нахмурился, снова опустился на ложе из звериных шкур и проворчал, обращаясь к юноше:

— Скажи твоему вождю, что я болен и не могу прийти.

На следующее утро вождь пришел в наш вигвам и долго сидел с нами. Вел он себя так, словно мы по-прежнему жили в лагере пикуни, словно не было никакой ссоры. Говорил он о давно прошедших временах, вспоминал те далекие дни, когда он и мой отец были молоды. А отец, слушая, припоминая, развеселился, забыл об обидах и сам говорил немало. Мы радовались, на него глядя, надеялись, что гнев его остынет и скоро скоро раскинем мы вигвам в лагере пикуни.

Каждый день ходили пикуни в форт Ки-па и обменивали шкурки бобров на товары белых людей. Купили они все, что привезено было на трех лодках, и требовали новых товаров.

— Как хорошо, что белый торговец поселился в нашей стране, в сердце наших прерий!— говорили мы.— Теперь ни в чем не будем мы нуждаться.

Сын мой, как жестоко мы ошибались! Я не осуждаю Ки-па. Был он хорошим человеком и не желал нам зла, но люди, пославшие его, задумали недоброе дело. Виноваты и мы, индейцы. Мы были недалёковидны. Если подумать — мы ведь не нуждались в тех товарах, какие привозили в нашу страну белые торговцы. Предки наши сами делали свое оружие и одежды и жили счастливо. Будь мы мудрее — мы последовали бы их примеру. Вторжение белых было для нас началом конца. Для них мы истребляли нашу дичь, мы соблазнились пестрыми бусами, цветными одеялами и табаком, ружьями и огненной водой, мы позволили им укрепиться в нашей стране, и в конце концов отняли они у нас нашу землю. Близка наша гибель, и вместе с нами погибнут все народы прерий.

Не помню, сколько дней провели пикуни и большебрюхие в долине реки Марии. Счастливые были дни — дни пиршеств, плясок, стрельбы в цель из ружей, купленных у Ки-па.

— Поберегли бы вы пули для врагов,— предостерегали старики.

Но стрелки над ними смеялись. Дешево стоили пули. За одного бобра белые давали двадцать пуль, а бобров в ручьях водилось много.

Наконец Одинокий Ходок и Короткий Лук порешили, что настало время, когда пикуни и большебрюхие должны сняться с лагеря и разъехаться в разные стороны. Весь хворост в долине был собран и сожжен. Охотники, рыскавшие по равнинам, разгоняли дичь. Всем хотелось ловить бобров, и ловцов в обоих

лагерях насчитывалось слишком много. По приказу вождей лагерные глашатаи объявили, что отъезд назначен на следующее утро. Большебрюхие возвращались к Маленькой реке, пикуни держали путь на юг.

И Одинокый Ходок и Короткий Лук были верными друзьями моего отца. Вечером пришли они в наш вигвам, вслед за ними явились Белый Волк и Глаза Лисицы, а также воины пикуни. Одинокый Ходок, говоря от имени всех собравшихся, просил отца примириться с родным племенем.

Когда он умолк, заговорил Короткий Лук. Повторял он слова Одинокого Ходока.

— Как! Неужели слух меня не обманывает?— воскликнул отец.— Не ты ли мне говорил, что твой вигвам — мой вигвам, твой народ — мой народ?

— Да, я это говорил и говорю сейчас, — отозвался Короткий Лук.— Но как друг твой, я тебе советую вернуться к родному племени.

— Нет, я останусь с тобой. Теперь я здоров. Скоро я пойду снова отыскивать лагерь ассинибуанов, найду свою трубку и пригоню табун.

— Брат, нелсское дело найти трубку. Удастся ли оно тебе?— сказал Белый Волк.

— Ночью я проберусь в лагерь и буду заглядывать в вигвамы, пока не увижу трубку. А тогда я проникну в вигвам и завладею ею или унесу ее потихоньку, когда все спят.

— Ты задумал опасное дело,— возразил Белый Волк.— Не успеешь ты отойти на десять шагов от вигвама, как враги поймают тебя и снимут скальп.

— Возвращайся лучше к нам,— сказал Одинокый Ходок.— Вернись хотя бы ради жены и детей.

— Да, чтобы вы снова меня отхлестали!— крикнул отец.— Довольно! Не будем говорить об этом! Я остаюсь с Коротким Луком.

Молча вышли из вигвама наши родственники и друзья, а Короткий Лук сказал отцу:

— Будь готов. Утром мы снимемся с лагеря.

Не стоит говорить о том, как были опечалены мы трое — мать, сестра и я. Мы надеялись, что этой беседой будет сломлено упрямство отца. Мечта наша не сбылась. Снова прощались мы с родным племенем, снова шли навстречу неведомым опасностям.

Три дня спустя мы вернулись вместе с большебрюхими к Маленькой реке. Отец мой был теперь здоров и не хотел сидеть сложа руки. Часто брал он мое ружье и ходил на охоту или ставил западни на бобров. Первые двадцать шкурок решил он обменять на ружье для себя.

Нитак, моя мать и я не скучали в лагере большебрюхих. Как я уже говорил, многие большебрюхие взяли в жены жен-

щин из племени пикуни, и дети их говорили на моем родном наречии. Когда не было у нас работы, а отец уезжал на охоту, мы вспоминали те счастливые дни, когда пикуни и большебрюхие жили бок о бок в окрестностях форта Ки-па.

Вечером, накануне нашего переселения, мать долго беседовала с Са-куи-а-ки, женой Ки-па. Нитаки и я не знали, о чем толковали они так долго; часто спрашивали мы мать, о чем совещалась она с Са-куи-а-ки, а мать отвечала:

— Когда-нибудь вы все узнаете. Если сбудется то, о чем мы говорили, все мы будем счастливы.

Лето стояло теплое. Под лучами солнца зрели и наливались соком ягоды на кустах. Однажды, в ясный солнечный день, отец, ездивший смотреть западни, вернулся веселый и довольный, к седлу его были привязаны три шкурки.

Мы трое сидели у входа в вигвам, смотрели на отца и радовались его удаче. Казалось нам, что солнце светит ярче в те дни, когда отец смеется и поет. Могли ли мы знать, что этот яркий солнечный день закончится для нас бедой?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Слушай, сын мой, вот что случилось с нами. На закате солнца отец и Короткий Лук сидели в тени нашего вигвама, беседовали и курили. Отец заговорил о своем талисмане — о камне, который похож на кусок льда. Этим камнем он только что зажег свою трубку.

— Много видел я талисманов в лагере пикуни и в лагере большебрюхих, — сказал он, — но мой талисман — самый могущественный.

— Кто знает? — отозвался Короткий Лук. — Быть может, ты ошибаешься.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился отец.

— А вот что: это талисман белых людей, и, пожалуй, не годится он для нас, жителей прерий. Что, если Солнце разгневается на тебя за то, что ты вор�ешь у него огонь? С этим талисманом я бы не стал молиться Солнцу.

— Ха! Ничего ты не понимаешь! — воскликнул отец. — Я знаю, что это могущественный талисман, Ты хвастаешь

своим костром, зажженным молнией, а я не вижу от него толку.

— Не говори так,— возразил Короткий Лук.— Священный огонь был дарован нам молнией и в течение многих зим живет в нашем вигваме.

— Мне нет дела до твоего огня! — сердито крикнул отец.— Он мне не нужен, да и в тебе я не нуждаюсь!

Больно нам было слушать, как разговаривает он с лучшим своим другом. А вождь ни слова не ответил. Молча вернул он ему трубку, встал и направился к своему вигваму.

Докурив трубку, отец выбил из нее пепел и крикнул:

— Черная Выдра, ступай приведи лошадей! Собирайте вещи, складывайте вигвам! Сегодня же мы уедем отсюда.

— О нет! Не сердись! — взмолилась мать.— Короткий Лук на тебя не сердится. Просто-напросто он тебя жалеет.

Зачем сказала она это слово?

— Не хочу я, чтобы кто-нибудь меня жалел! — вскипел отец.— Ни в чьей помощи я не нуждаюсь. У меня есть талисман посильнее огня, посланного молнией. Приведите лошадей! Складывайте вигвам! Я уйду из этого лагеря!

Что было нам делать? Мать и сестра, не смея возражать отцу, стали складывать вигвам, я побежал за лошадьми. Когда я вернулся, все наши вещи были уложены. Мы оседлали лошадей, навьючили на них поклажу и тронулись в путь.

По всему лагерю разнеслась весть о ссоре отца с вождем. Пять-шесть женщин стояли поодаль и с грустью посматривали на нас, подойти к нам они не смели, боясь отца. Прибежали друзья мои и Нитаки, но мужчин не было видно. Никто не пришел попрощаться с отцом. Когда мы выезжали из лагеря, воины делали вид, будто нас не замечают.

Так расстались мы с большебрюхими. Отец верхом на моей лучшей лошади ехал впереди. Мать, сестра и я гнали табун.

Вечером мы раскинули вигвам на берегу реки, где были расставлены западни. Молча мы поели и рано улеглись спать. Я спал на поляне, где паслись лошади, стреноженные или привязанные к колышкам. Ночь прошла спокойно, но несколько раз приходилось вставать и отгонять койотов: они подкрадывались к колышкам и грызли ремни.

Утром мы нашли трех бобров в западнях и содрали с них шкурки. Затем отец объявил нам, что поедем мы к кроу — вóронам.

— О нет! Только не к ним! — воскликнула мать.— Почему бы не поехать нам к черноногим или к индейцам племени кровь?

— А чем отличаются они от пикуни? — возразил отец.— Говорят они на одном языке и только называются по-разному.

И правила охоты у них одни и те же. Нет, мы будем жить с кроу. Там я могу охотиться, когда мне вздумается.

— Но они наши враги,— напомнила ему мать.

— Враги пикуни, но не наши,— сказал отец.— Ты забываешь, что мы уже не пикуни. Нас они примут в свою среду, рады будут заручиться дружбой Одинокого Бизона.

А теперь, сын мой, я тебе расскажу, кто такие эти кроу. Некогда вся наша страна принадлежала им. Да, да, эти равнины, горы, долины до реки Белли, протекающей на севере, были их владениями. Затем предки наши приобрели лошадей, а позднее купили ружья у торговцев Красные Куртки и прогнали кроу далеко на юг, за реку Иеллоустон. Завладев страной, пикуни заключили мир с кроу. Обе стороны решили, что река Иеллоустон будет границей, разделяющей владения двух племен. Но мир оказался непрочным: пикуни и кроу всегда между собой враждовали. Вожди обоих племен заботились о сохранении мирных отношений, но не могли удержать молодых воинов, рвавшихся в бой. Либо молодые пикуни нападали на кроу, либо юноши кроу совершали набег на лагерь пикуни — и начиналась война. В то лето, о котором идет речь, вспыхнула такая война.

Мы сложили вигвам и отправились в страну кроу. Ехали мы ночью, а днем загоняли табун в заросли и сами прятались в кустах, боясь встречи с каким-нибудь неприятельским отрядом.

На третье утро мы подъехали к форту Ки-па. И он и Са-куи-а-ки удивились, узнав о планах отца, и долго убеждали его не ехать к кроу, но он и слушать их не стал. Шкурки бобров он обменял на ружье, порох и пули, а для матери и сестры купил по новому одеялу и красной материи на платье.

В форте мы провели один только день, и моя мать снова вела долгую беседу с Са-куи-а-ки. Хотелось мне знать, о чем они совещаются. В ту пору Са-куи-а-ки еще не говорила на нашем языке, и объяснялись они знаками. Я следил за ними, но они стояли так близко друг к другу, что я не видел их рук.

Убедившись, что мой отец не изменит своего решения, Са-куи-а-ки дала матери новое белое одеяло, синей материи на платье, ожерелье, красной краски и сказала:

— У меня есть близкий друг — женщина из племени арикари. Жила она с родным моим племенем мандан в вигваме моего отца. Теперь она живет в лагере кроу. Один из старшин, Пятнистая Антилопа, взял ее в жены. Мы зовем ее Женщина-Кроу. Передай ей эти подарки, скажи, что ты — мой друг и я прошу ее быть тебе другом.

Мать рада была исполнить это поручение. Обрадовались и мы с сестрой: хоть один человек в лагере кроу встретит нас дружелюбно.

Расставшись с Ки-па, мы направились туда, где в настоящее время находится форт Бентон. Там хотели мы переправиться через Большую реку; от таяния снегов в горах вода поднялась высоко. Ехали мы по тропе, по которой не так давно проехали пикуни, державшие путь на юг.

Первый день мы провели у подножия гор, поросших лесом. Отдохнули, выспались и на закате солнца продолжали путь. На рассвете мы увидели реку Стрелу. Раньше чем спуститься в глубокую узкую долину, мы с отцом поднялись на утес посмотреть, нет ли в окрестностях неприятеля. Сойдя с лошадей, мы подползли к краю утеса и заглянули в ущелье, на дне которого протекала река.

Всходило солнце, а в ущелье еще лежали ночные тени. Когда их прогнал дневной свет, мы увидели реку. Ивы и тополя спускались к самой воде. На противоположном берегу — отвесная каменная стена с выступами и зубцами. Ни одного живого существа не было видно — ни одного, кроме старого бизона, лежавшего на песчаной отмели. Но взглядевшись пристальнее, мы убедились, что он мертв.

Я спросил отца, почему так пустынно вокруг, почему не идут животные на водопой к реке.

— Ничего странного в этом нет, — сказал отец. — Разве ты забыл, что этой дорогой едут пикуни? Несколько дней назад они делали привал у реки, охотились и спугнули стада.

Мне стало стыдно, что я об этом не подумал. Я хотел было встать и последовать за отцом, который направился к тому месту, где мы оставили лошадей, как вдруг заметил горного барана, стоявшего внизу, на выступе утеса, справа от нас. Мяса у нас не было, и мы хотели отправиться утром на охоту. Я позывал отца и показал ему горного барана.

— Хорошее мясо! — сказал он. — Пойдем направо и сверху его подстрелим.

Идти нам пришлось недалеко — шагов двести. Припав к земле, мы посмотрели вниз. Горный баран находился как раз под нами, он улегся на выступ и пережевывал траву.

Конечно, стрелять должен был мой отец. Медленно подвигал он ружье к краю пропасти. Как вдруг я заметил, что на узком выступе между нами и горным бараном появилось какое-то бурое пятно. Тронув отца за руку, я показал ему пальцем вниз. Он быстро отодвинул ружье и свесился над пропастью. Это был лев, большой горный лев. Он полз к горному барану и готовился прыгнуть с выступа прямо на спину жертвы.

Затаив дыхание, следили мы за хищником. Он крался, припав брюхом к земле; казалось, нет у него ног и ползет он, как змея. Вытянув длинный хвост, он не спускал глаз с барана, а кончик хвоста слегка подергивался.

Баран жевал жвачку и, мотая головой, поглядывал то направо, то налево — не угрожает ли ему опасность. Если гор-

ный баран пасется один, он всегда начеку и ни на минуту не засыпает. Но обычно бродят они небольшими стадами и спят по очереди. Когда барана-караульщика начинает клонить ко сну, он бодает одного из спящих товарищей и, разбудив его, ложится. Много раз я сам это видел.

Одиноким старым бараном, лежавшим на выступе, зорко поглядывавшим по сторонам, но, конечно, не мог увидеть врага, который полз по верхнему выступу. Изредка лев приостанавливался и, свесив голову вниз, следил за намеченной добычей. Потом медленно полз дальше.

Вдруг с утеса сорвался камень, ударился о выступ, на котором лежал баран, и скатился на дно ущелья. Животное быстро подняло голову, а лев, смотревший на него сверху, не успел отодвинуться от края выступа и застыл, неподвижный, как скала.

Я видел черные глаза барана, осматривавшего утес, но головы льва сразу даже не заметил.

С любопытством наблюдали мы с отцом каждое движение льва и его жертвы. Зимой мы часто находили следы горного льва на снегу, но впервые посчастливилось нам увидеть, как он охотится.

Приближалась развязка. Лев находился как раз над горным бараном и, поджав задние лапы, готовился к прыжку. Теперь только заметил я, что горный баран лежит у самого края пропасти. «Когда лев прыгнет ему на спину,— думал я,— баран рванется в сторону, и они вместе скатятся вниз и разобьются об острые камни».

Но этого не случилось. Лев сделал прыжок, тяжело опустился на барана и, вонзив в него когти, вцепился клыками ему в шею. Затрещали кости, и баран издох мгновенно. Все это произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю. Лев оттащил тяжелую тушу от края пропасти.

Вот тогда-то мой отец выдвинул ружье над пропастью, выстрелил и промахнулся. Лев зарычал и, бросив свою добычу, оглянулся, не зная, с какой стороны угрожает ему опасность.

Прицелившись в него, я спустил курок, и моя пуля, пробив спинной хребет, задела сердце. Когда расселся дым, я увидел льва, распростертого на каменном выступе.

— Я его убил! Я убил горного льва! — закричал я.

— Да, сынок, ты его убил, и я радуюсь твоей удаче, — отозвался отец. — В лагере кроу ты можешь обменять эту шкуру на десять лошадей. Спустишь на выступ и столкни барана и льва в ущелье. Мы их подберем, когда раскинем вигвам на берегу реки.

Найдя удобный спуск, я добрался до выступа и посмотрел вниз. Дно ущелья было усеяно острыми камнями, и я, желая сберечь шкуру льва, решил не сбрасывать его вниз и толкнул

одного барана. Тяжело упал он на камни, и глухой стук эхом прокатился по долине.

— Отец,— крикнул я,— уведи мою лошадь! Я сдеру шкуру со льва здесь, на выступе.

Долго возился я с этой шкурой. Когда я спустился, наконец, в долину, отец уже вырезал лучшие куски мяса из туши барана.

— Не везет мне,— печально сказал он.— Как мог я промахнуться, стреляя в льва?

— У тебя новое ружье,— напомнил я ему.— Ты стрелял из него впервые.

— Нет, тут не ружье виновато. Должно быть, судьба меня преследует. Сегодня я слишком устал, но завтра утром я до стану мой талисман — кусок льда, притягивающий огонь с неба, и помолюсь богам. Быть может, Солнце надо мной смиляется.

В тот день мы решили не раскидывать вигвама. Поев, мы улеглись в кустах у реки. Мать, сестра и я спали, а отец караулил и следил за тем, чтобы наши лошади не вышли на поляну. В полдень я встал и сменил отца. Немного спустя проснулась и мать и стала выскабливать шкуру льва. Я бродил по берегу реки и наткнулся на место стоянки пикуни. Костры их погасли, но под толстым слоем золы еще тлели угли: значит, не больше суток прошло с тех пор, как племя покинуло это место. Широкая тропа вела отсюда к верховьям реки. Как мне хотелось пойти по этой тропе!

Я вернулся к нашим лошадям, сел на землю и задумался. Счастливо начался для меня этот день! Отец прав: один удачный выстрел принес мне десять лошадей. Индейцы племени кроу высоко ценили львиную шкуру. Они считали ее великим талисманом, делали из нее колчаны и ею покрывали седла, когда готовились к стычке с врагами.

Вспомнил я горного барана. Зоркие были у него глаза, однако горный лев легко с ним справился. «Мы похожи на этого барана,— думал я.— Путешествуем по стране, где рыщут военные отряды, и если случится нам с ними встретиться, мы окажемся такими же беспомощными, как горный баран в когтях льва». Казалось мне, что встреча с врагами неизбежна и никогда не доберемся мы до лагеря кроу. А если придем мы к ним в лагерь, как примут они нас? На радушный прием я не надеялся.

Вечером перед отъездом мы с отцом поднялись на склон равнины и осмотрели окрестности. Вокруг все было спокойно. Мы увидели стадо антилоп, нескольких волков и койотов, одинокого бизона-самца, спускавшегося на водопой к реке. Пролетел орел, унося в когтях кролика.

Мы хотели вернуться в лагерь, как вдруг внимание наше было привлечено странным поведением бизона. Остановившись

неподалеку от нас, он замотал головой, потом несколько раз высоко подпрыгнул, встал на дыбы и передними ногами начал бить по воздуху. Прodelывал он эти движения с проворством, удивительным для такого большого и неповортливого животного. Зрелище было забавное, и я не мог удержаться от смеха.

— Не смейся,— остановил меня отец,— вдруг это волшебство! Что, если это древний танец бизонов? В далекой древности бизоны научили этой пляске наших предков, и мы по сей день храним память о ней. Никогда еще не видывал я пляшущего бизона. Смотри внимательно! И слушай! Мне чудится, что он поет!

Бизон широко расставил ноги и снова замотал головой. Я прислушался и уловил какой-то глухой шум, напоминающий жужжание пчел или тихий, протяжный вой ветра в горах. Вой оборвался внезапно: бизон рванулся вперед, закрутил хвост крючком и помчался вниз по склону, прямо к тому месту, где мать и Нитаки упаковывали наши вещи. Завидев бизона, лошади наши разбежались, а мать и Нитаки, побросав узлы, спрятались за большим тополем. Бизон пролетел мимо них, бросился в воду и, переплыв реку, вылез на сушу. Снова помчался он как стрела. Мы следили за ним, пока он не скрылся в надвигавшейся ночи.

— Черная Выдра, сын мой,— сказал отец,— нам довелось увидеть чудо. Мы присутствовали при древней пляске бизонов.

Я был согласен с отцом. Впоследствии я часто вспоминал этот странный случай и однажды рассказал о нем Ки-па. Он засмеялся.

— Ничего чудесного в этом нет,— сказал он.— Просто-напросто бизон поел какой-нибудь ядовитой травы, и у него заболел живот. Бедняга вертелся и прыгал, не зная, как избавиться от боли.

Быть может, Ки-па был прав. Но все же многое кажется необъяснимым, многого я не могу понять.

Когда мы спустились в долину, мать и сестра уже оправились от испуга и с любопытством выслушали наш рассказ о древней пляске бизонов.

Оседлав лошадей, мы выехали из речной долины. Старая тропа, проложенная пикуни и кроу, вела отсюда к Желтой реке. Это был кратчайший путь, но отец решил ехать другой дорогой, обогнуть Черную гору и отроги Снежных гор, а затем свернуть к реке. Думал он, что на этом пути мы не повстречаем врагов.

Ехали мы всю ночь, и восход солнца застал нас среди равнины. На открытом месте мы не могли сделать привал, да и воды поблизости не было. Мы продолжали путь и к полудню спустились в долину Желтой реки. Остановились мы на просеке в лесу. Мать набрала хворосту и попросила отца поджечь его

талисманом, притягивающим огонь с неба, но отец покачал головой и сказал:

— Этим талисманом я не смею пользоваться для повседневных дел. Мы поедим, а потом я его достану и помолюсь Солнцу.

Я взял сверло, с помощью которого добывали мы огонь *, и разжег костер, а мать поджарила кусок баранины, разрезанной на тонкие полосы.

Утолив голод, отец стал готовиться к священнодействию, а нам приказал петь вместе с ним священные песни. Он выкрасил лицо и руки красно-бурой краской, содрал волокна с куска сухой коры, скатал их в комок и положил его перед собой на землю. Из мешка моей матери он взял щепотку душистой травы и посыпал ею комок волокон.

— Хотя нет у меня моей Трубки Грома, но мы споем четыре священные песни, какие поются, когда снимают с трубки покровы,— сказал он, доставая свой талисман, завернутый в четыре покрыва из раскрашенной кожи.

— Пойте песню антилопы,— приказал он нам.

И мы запели вместе с ним, а он снял первый из четырех покровов. Затем спели мы песню волка и песню грома. Когда сняты были второй и третий покровы, мы затянули четвертую священную песню — песню бизона. Отец поднял руки над головой, вытянул указательные пальцы и согнул их — это был символический знак бизона.

— Хай-йю! Бизон! Хай-йю! Одежда моя! Кров мой! — пели мы, не спуская глаз с отца.

Медленно снимал он последний, четвертый, покров.

Чей-то голос заставил нас вздрогнуть. Я поднял голову. Мы были окружены врагами.

* Сухая палка, играющая роль сверла, вставлялась в отверстие, выдолбленное в куске дерева. Конец палки прикреплялся к тетиве лука. Лук вращали, и от трения палки о кусок дерева появлялся огонь.— *Прим. перев.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О, как я испугался! Мы трое — мать, сестра и я — перестали петь.

— Пойте! Пойте, если вам дорога жизнь! — хрипло прошептал отец.

И мы повиновались. Искоса посматривал я то на отца, то на врагов и пел, хотя сердце у меня сжималось от страха. А отец четыре раза простирал руки к священной талисману и наконец снял последний покров и поднял талисман высоко над головой. Когда песня была допета, он воскликнул:

— О тайный мой помощник, явившийся мне во сне! О Солнце, и вы, боги земли и неба, смилитесь над нами! Вам в жертву приношу я ароматный дым!

И с этими словами повернул он к солнечным лучам кусок льда, притягивающий огонь с неба. Тонкая струйка дыма поднялась над сухими волокнами, и они ярко вспыхнули.

Я посматривал на наших врагов, и внимание мое привлек один воин, который стоял в двух шагах от отца. Рослый,

красивый, был он одет в пышный боевой убор. Я разглядел его щит и колчан из кожи выдры. Стоял он, скрестив руки, и в правой руке сжимал боевую дубинку. Насмешливая улыбка пробежала по его лицу, когда он смотрел сверху вниз на моего отца. Должно быть, думал он: «Ну, что ж! Подождем, пока не закончится эта глупая церемония, а потом вам недобровать!»

Но когда вспыхнули сухие волокна коры, воин громко вскрикнул от удивления и, указывая на пылающий комок, сказал что-то своим спутникам. Следуя его примеру, они уселись на траву перед нами.

Отец словно и не замечал их. Вытянув руки, захватил он пригоршню ароматного дыма и умылся им. Потом долго молился Солнцу, прося помощи и защиты от всех опасностей.

Трудно мне припомнить, о чем я в то время думал. Я был так испуган, что мысли спутались у меня в голове. Я даже не подивился мужеству моего отца, который перед лицом врагов спокойно совершал обряд. Мало кто способен проявить такое самообладание.

Сгорели волокна, ветер развеял последние струйки ароматного дыма, и отец, оборвав молитву, взял четыре куска кожи, чтобы завернуть в них талисман.

— Хаи! — окликнул его человек с дубинкой.

Отец поднял голову.

Воин указал на талисман и сказал на языке знаков:

— Дай мне его. Я хочу его рассмотреть.

— Не могу исполнить твою просьбу, — знаками ответил отец. — Это могущественный талисман, освященный Солнцем. Сейчас ты узнаешь его силу. Вытани руку.

Воин повиновался. Отец повернул его руку ладонью вверх и приблизил к ней кусок льда, притягивающий огонь с неба. На ладони показалось красное пятнышко.

— Ха! — вскрикнул воин.

Резко отдернул он руку, осмотрел ожог и что-то сказал своим товарищам. Те, изумленные, ударили себя руками по губам и долго о чем-то говорили. Отец завернул талисман в куски кожи и спрятал его в мешок.

Человек с боевой дубинкой пристально следил за ним, а когда талисман был спрятан, сказал — конечно, знаками:

— Мы были там, в лесу, и увидели вас издали. Сначала хотели мы вас убить и завладеть вашими лошадьми. Теперь другое у нас на уме: будем друзьями.

— О, как я рада! — прошептала мать, сидевшая подле меня.

— Он нас боится — думает, что Солнце наделило нас своим могуществом, — шепотом отозвался я.

Как выяснилось впоследствии, я не ошибся. Отец ответил воину:

— Хорошо. Будем друзьями.

— Мы — чейенны. А вы кто? — спросил воин.

— Прежде был я одним из пикуни, — ответил отец, — но я ушел от них. Теперь мы четверо ни в одно племя не входим. Идем мы на юг, там отыщем кроу и раскинем вигвам рядом с их вигвамами.

— Кроу — дурные люди. Ступайте лучше к моим соплеменникам. Скажите, что вы встретили меня, Пятнистого Волка, и я послал вас к ним. Они добрые люди, они будут вашими друзьями.

— Я об этом подумую. А где твое племя?

— Оно охотится среди Черных Холмов, в долинах рек, впадающих в Большую реку. Тебе нетрудно будет их найти, — сказал воин.

— Они нас не тронут. Приготовь нам поесть, — прошептал отец, обращаясь к матери.

Мать и сестра начали открывать парфлеши. Воины — их было пятнадцать человек — ушли в глубь леса, но вскоре вернулись и принесли мяса. Они расположились неподалеку от нас, разложили костер и занялись стряпней. Начальник отряда, Пятнистый Волк, остался и долго беседовал с отцом. Он сказал, что они, чейенны, задумали совершить набег на племена, живущие по ту сторону гор.

— Хотим мы осмотреть их страны, и несдобровать тому, кто встретится нам на пути, — сказал он и громко расхохотался.

В тот день никто из нас не спал. Казалось, опасность нам не угрожала, но мы не были в этом уверены — мы боялись военного отряда. А чейенны спали до вечера. Я стерег лошадей и держал наготове ружье. Следил я, как солнце ползет по небу, и ждал с нетерпением той минуты, когда вернется оно домой, на отдых, в свой вигвам. Хотелось поскорее уложить наши пожитки, вскочить на коня и уехать подальше от реки. Тогда только буду я уверен, что чейенны не желают нам зла.

На закате солнца я пригнал табун и привязал к деревьям верховых и выючных лошадей. Мать поджарила мясо, и вождь чейеннов поел вместе с нами. Снова уговаривал он отца ехать к Черным Холмам и поселиться с чейеннами. Отец сказал, что об этом он подумает, но если поедет мы к чейеннам, то не теперь, а позднее, когда Пятнистый Волк вернется к своему племени и расскажет о нас. Тогда можем мы рассчитывать на радушный прием.

Настал час отъезда. Мать и сестра навьючили на лошадей поклажу и привязали к ним шесты от вигвама, а я оседлал верховых лошадей. Чейенны также собрались в путь. Пятнистый Волк обнял моего отца, и мы вскочили на коней.

Отец ехал впереди. Нам он приказал следовать за ним и не оглядываться. Мы не смели послушаться, но у меня дрожь

пробегала по телу. Хотелось мне посмотреть, что делают чейенны,— быть может, ждут они сигнала вождя, чтобы осыпать нас стрелами. Но ничего не случилось. Мы выехали из лесу, переправились через реку и стали подниматься по склону равнины. Тогда только мы оглянулись: чейенны ехали речной долиной, держали они путь к верховьям реки. Значит, они решили нас не убивать. Мы избежали великой опасности, нам хотелось от радости петь.

Отец мой засмеялся чуть ли не в первый раз с тех пор, как мы расстались с пикуни.

— Я знал, что Короткий Лук ошибается,— сказал он.— Мой кусок льда, притягивающий огонь с неба, сильнее всех других талисманов. И вовремя я его достал. Чейенны убили бы нас, если бы мой талисман не привел их в трепет.

— Одинокий Бизон, муж мой, ты смелый человек! — воскликнула мать.— Ты не прервал обряда, когда отряд застиг нас врасплох. Не понимаю, как мог ты побороть страх.

— Это было легко,— ответил отец.— Правда, сначала я испугался. Но когда чейенны увидели, как я притянул огонь с неба, я понял: они нас не тронут.

Ехали мы недолго, потому что очень устали и хотели спать. Спустившись к реке «Она их раздавила», мы расположились на отдых и спали до утра, днем мы тоже спали по очереди. Под вечер мы ели мясо, которое поджарила для нас мать, а она рассказывала нам, почему этой реке дано было название «Она их раздавила». Недалеко от устья ее, где берега обрывистые и крутые, тянулся над самой водой пласт красно-бурой земли. Наше племя издавна пользовалось этой землей как священной краской. Каждое лето приходили сюда пикуни и подкапывали берег, собирая красную землю. Рыли они все глубже и глубже, хотя старики предостерегали их и предвещали несчастье. И предсказание сбылось: произошел обвал, три женщины засыпаны были землей и погибли. С тех пор никто не приходил сюда за священной краской, и реку, носившую название Краска, стали называть «Она их раздавила».

На следующее утро мы остановились у подножия Черной горы и провели здесь день. Тихо было вокруг. Казалось, мы четверо — единственные люди на земле, и до сего дня животные ни разу не видели человека. Отец объяснил нам, что на этих равнинах пикуни охотятся очень редко, так как все военные отряды, вторгающиеся в нашу страну, направляются прямо к Черной горе, чтобы с вершины ее обозреть окрестности. Они приходят и уходят, не останавливаясь здесь для охоты. Вот почему животные, населяющие этот край,— олени, антилопы, лоси, бизоны — почти не боятся человека.

Моя очередь караулить пришлась на вторую половину дня. Незадолго до заката солнца я взял лук и пошел на охоту, так как истощились у нас запасы мяса. Ружье я оставил, опасаясь

привлечь выстрелом внимание врагов. Мне не нужно было далеко идти: днем я видел оленей и лосей, направлявшихся к ущелью, которое начиналось неподалеку от того места, где мы раскинули лагерь. Я догадался, что они идут на водопой.

Я вошел в ущелье и увидел большой, глубокий пруд, сжатый каменистыми берегами. Звериные тропы вели от пруда к выходу из ущелья и извивались по отлогим его склонам.

Я спрятался в кустах, окаймлявших одну из боковых троп. Вскоре показалось стадо антилоп, их вожак был крупный самец. Припав к земле, я ждал, пока вожак пройдет мимо того места, где я спрятался. Тогда я вскочил и, напрягая все силы, натянул тетиву. Стрела попала в цель. Вожак высоко подпрыгнул, рванулся вперед и упал. Антилопы, напавшие на него сзади, круто повернули и обратились в бегство. В нескольких шагах от тропинки лежала моя стрела, окрашенная кровью: она вонзилась между ребер животного и прошла на вылет. Этим выстрелом я гордился — я понял, что рука у меня сильная, и стреляю я не хуже взрослого охотника.

Спустившись на тропу, я наточил нож о плоский гладкий камень и начал сдирать шкуру с антилопы, но не успел закончить начатое дело: в кустах, на склоне ущелья, раздался шорох, сопение, чмоканье. «Медведь!» — подумал я. В два прыжка добрался я до того места, где лежал мой лук. Когда я схватил его, из кустов вышел огромный старый гризли.

Я повернулся, бегом спустился с тропинки, обежал пруд и, поднявшись на противоположный склон ущелья, оглянулся: медведь опустил передние лапы на мою антилопу и сдирал мясо с ребер. Я побежал в лагерь и разбудил отца. Взяв ружья, мы боковыми тропами поспешили туда, где осталась моя добыча. Медведь пожирал мясо и не заметил нас. Мы выстрелили. Он упал прямо на антилопу, судорога пробежала по огромной туше, и он издох. О, как мы обрадовались!

Оттащив медведя от антилопы, мы содрали с нее шкуру и вырезали лучшие куски мяса. Срезая когти с передних лап гризли, отец решил взять также кусок медвежьей шкуры.

— Правда, нет у меня теперь Трубки Грома, — сказал он, — но скоро я ее отыщу. И у меня есть другой могущественный талисман — кусок льда, притягивающий огонь с неба. Этот талисман я заверну в кусок шкуры.

Приняв такое решение, он вырезал широкую полосу меха со спины медведя, и мы с торжеством понесли ее в лагерь.

В тот вечер мы четверо были веселы и счастливы. Мы выспались, отдохнули, и удачной охотой закончился день. Когда зашло солнце, мы тронулись в путь, направляясь к широкой тропе, которая тянется у подножия Снежных гор.

Солнце всходило, когда мы завидели долину реки Ракушки. Спускаясь по склону, поросшему кустами и вишневыми деревьями, мы заметили, что вишни уже созрели и ветви малень-

ких деревьев гнутся под тяжестью ягод. Мать и Нитаки хотели остановиться здесь и нарвать вишен, но отец запретил им и думать об этом.

— Мы должны спуститься в долину и спрятаться в лесу, где нас не увидят враги,— сказал он,— а вечером вы можете сюда вернуться за ягодами.

Проезжая между деревцами, мы срывали вишни. Нам очень хотелось пить, во рту пересохло, а сочные ягоды утоляли жажду. Жалко было оставлять их на ветвях.

В тополевой роще на берегу реки мы сделали привал. Пока мать и сестра раскладывали костер и поджаривали мясо антилопы, мы с отцом осматривали тропы, пересекавшие рошу и тянувшиеся вдоль реки. Мы нашли следы, оставленные животными, но нигде не видно было отпечатка ноги человека или золы костров. Казалось, кроу, пикун и другие племена никогда не останавливались здесь на отдых.

Утром я караулил, пока остальные спали. В роще было много травы, и я следил за тем, чтобы лошади не разбредлись по долине. Часто выходил я на опушку и окидывал взглядом поляны и склоны равнины. Бизоны спускались на водопой к реке и долго стояли в прохладной воде или, выйдя на берег, ложились на траву. На звериных тропах нашел я отпечатки медвежьих лап: по-видимому, медведи побывали здесь недавно. Мне хотелось подстеречь их, но утро было такое жаркое, что медведи не показывались,— должно быть, залегли они где-нибудь в прохладном местечке.

После полудня меня сменил отец. Я заснул, но спал недолго. Мать и Нитаки не могли забыть о вишнях, им хотелось скорее набрать их. Разбудив меня, они спросили, не пора ли нам идти за вишнями. Я пошел в лес и отыскал отца. Он сказал, что мы с ним вдвоем поднимаемся на равнину,— если вокруг все спокойно, мы дадим сигнал женщинам. Я привел двух лошадей — для матери и Нитаки: они хотели набрать много ягод — больше, чем можно было донести,— чтобы засушить их на зиму.

Поднявшись на равнину, мы долго осматривали окрестности. Ничто не указывало на приближение военного отряда. Наконец я встал и начал размахивать одеялом. Женщины стояли на опушке рощи и ждали сигнала. Тотчас же вскочили они на лошадей и поехали к вишневым деревцам. Теперь ягоды показались нам еще вкуснее, чем утром. Мы наелись до отвала и начали наполнять вишнями парфлеши. Отец нам помогал, а мать посмеивалась над ним: не часто видишь воина, собирающего ягоды для сушки.

Крик сестры заставил нас вздрогнуть. Мы оглянулись и посмотрели в ту сторону, куда она показывала: одинокий всадник гнал наших лошадей к низовьям реки. Издали мы не могли их разглядеть, однако не сомневались в том, что это наш та-

бун. Сначала вор гнал их лесом и отъехал на большое расстояние раньше, чем подняться на открытую равнину.

Мы не верили своим глазам. Неужели нас постигла новая беда? Молча стояли мы и смотрели вслед табуну. Наконец отец вскочил на лошадь, на которой приехала моя мать, а мне приказал сесть на лошадь сестры.

Мы пустились в погоню, но трудно нам было сидеть на женских седлах. Мы остановились, сняли седла и поехали дальше. Но с самого начала я знал, что погоня бессмысленна. Я привел для матери и сестры двух старых вьючных лошадей, которые не могли бежать быстро, как мы их ни колотили пятами. И все-таки мы надеялись, что совершится чудо и мы догоним врага.

Сначала ехали мы долиной реки, потом повернули на восток и поднялись на равнину. Здесь отказались от погони. Всадник и лошади далеко нас опередили. Мы увидели лишь пятнышки на синем фоне, когда табун переваливал через гряду холмов. Мы следили за этими пятнышками, пока они не скрылись из виду. Потом повернули мы лошадей и поехали назад, к нашему лагерю.

Отец, сторбленный, молчаливый, ехал впереди. А я не мог примириться с потерей лошадей. Это были мои лошади. Я их любил, гордился ими, а теперь они были навсегда для меня потеряны. Уж так и быть, признаюсь тебе: на обратном пути я плакал.

Мать и сестра встретили нас на опушке леса и молча последовали за нами к тому месту, где остались наши вещи. Здесь мы сделали еще одно открытие: враг рылся в наших вещах и похитил седло моего отца и мешок, в котором хранился талисман — кусок льда, притягивающий огонь с неба. Пропали также мой лук, стрелы и прекрасный колчан — подарок Белого Волка.

Отец, не говоря ни слова, спустился к реке и сел на берегу. Мать начала разбирать наши пожитки, решая вопрос, что взять с собой и что оставить. Кроме вигвама и вигвамных шестов, было у нас восемь вьюков, а мы могли взять только два; нам четверым предстояло идти пешком.

Матери тяжело было отбирать вещи, которых мы не могли взять с собой. Она к ним привыкла, дорожила ими и не хотела их бросать. Подойдя ко мне, она уселась на траву и заплакала. Плакала и сестра. Я сам с трудом удерживался от слез.

Вернулся отец и сказал нам:

— Солнце заходит. Укладывайте вещи. В путь!

— Нет, нет! — закричала мать. — Я не хочу идти дальше! О, вернемся назад! Вернемся к нашему племени. О муж мой, подумай, можем ли мы бродить пешие по равнинам, где рыщут неприятельские отряды? Мы потеряли все! Враги украли Трубку Грома и другой твой талисман, они угнали наш табун,

а вспомни, как работал твой сын, чтобы купить этих лошадей! Муж мой, мы беззащитны, враги убьют нас! Пойдем назад, отыщем лагерь нашего народа!

Я всматривался в лицо отца. Он слушал внимательно, взвешивал слова матери. Казалось мне, он подчинится ее воле. Но мечты мои развеялись, когда он воскликнул:

— Нет! Назад мы не пойдем! Мы должны идти дальше. Не хочу я жалким бедняком возвращаться к пикуни. Я отведу вас к кроу, а потом снова пойду в лагерь ассинибуанов за лошадьми и трубой.

Но все-таки слова отца вдохнули в меня надежду. «Не гнев, а стыд мешает ему вернуться к пикуни,— подумал я.— Он стыдится своих неудач, стыдится того, что по его вине стали мы жалкими бедняками. Если бы удалось мне купить новый табун, отец, пожалуй, склонился бы на наши просьбы и повел нас домой, к пикуни».

Долго мы не могли решить, какие вещи взять с собой, какие оставить,— в конце концов каждая мелочь была нам нужна. Взяли мы вигвам — одну покрывку без шестов, нашу одежду, несколько одеял, принадлежности, необходимые для дубления кожи, порох и пули и два желтых металлических котелка; котелки мы закупили у Красных Курток на севере, отдав за них сорок бобровых шкурок. Вьюки мы привязали к нашим двум лошадям, а оставшиеся вещи даже не попытались спрятать. Мы бросили их в роще и побрели на юг.

Спустившись к реке, мы сняли мокасины и вброд перешли реку. Я первым выбрался на берег и, обуваясь, увидел на песке свежие отпечатки ног человека. Следы вели к лесу. В кустах я нашел пару изношенных мокасинов. Вокруг трава была примята. Я догадался, что здесь лежал человек, который нас выследил, а затем угнал наших лошадей. Внимательно осмотрел я мокасины и вспомнил, что уже раньше видел этот странный узор из красных, синих и желтых игл дикобраза и три полоски на голенище. Сомнений быть не могло: эти мокасины носил воин из отряда чейеннов.

Я вернулся к реке и показал отцу свою находку. Отец не мог вспомнить, видел ли он раньше эти мокасины, но мать их узнала и даже описала наружность человека, который их носил: высокий, стройный, длинноволосый, в косы вплетены тесемки из меха выдры.

— Не все ли равно, какой он на вид? — воскликнул отец.— Он нас проследил и ограбил. Слепы мы были и не видели, как он шел по нашим следам.

— Я не думаю, что он нас выследил с согласия своего вождя,— сказал я.

— Ты прав,— подхватила мать.— Вождь чейеннов — славный человек. Он не желал нам зла,

Отец злобно расхохотался.

— Славный человек, говорите вы? А я уверен, что вождь послал лучшего своего бегуна и разведчика, чтобы завладеть моим талисманом. Ну, что ж! Быть может, когда-нибудь я повстречаюсь с этим чейенном.

Впервые пришлось нам так долго идти пешком. Мы с отцом не чувствовали усталости и могли идти всю ночь, но мать и сестра выбились из сил и едва передвигали ноги. Когда Семеро * показывали около полуночи, Нитаки заплакала, села на землю и заявила, что дальше идти не может.

— Ты поедешь верхом! — воскликнул отец.

Мы сняли большую часть поклажи с лошади, которую вел отец, и посадили сестру на маленький выюк. Снятую поклажу мы навьючили на другую лошадь. Несчастные животные храпели под тяжестью ноши. Я мысленно говорил себе, что по вине отца страдаем не только мы, но и наши животные.

От реки Ракушки до реки Йеллоустон расстояние большое; еще длиннее кажется путь, когда идешь пешком, а все дождевые лужи высохли. Когда рассвело, мы находились еще очень далеко от реки, на берегах которой охотились кроу. Нам очень хотелось пить; отца и меня жажда мучила сильнее, чем женщин. Мы едва могли говорить. Мне казалось, что во рту у меня песок.

Мать о чем-то меня спросила, но голос мой звучал так хрипло, что она не расслышала ответа. Тогда она простерла руки к восходящему солнцу и воскликнула:

— О великое Солнце, правящее миром! Сжался над нами! Вразуми мужа моего, который заставляет наших детей так жестоко страдать!

Прислушиваясь к ее молитве, отец опустил голову и не сказал ни слова. Потом он пошел дальше, а мы, усталые, поплелись за ним. На юге виднелись поросшие кустами берега Йеллоустона, а дальше тянулась широкая долина реки Горный Баран. Было около полудня, когда мы приблизились к гряде холмов, за которыми начинался спуск в долину.

«Еще несколько сот шагов — и мы подойдем к реке, напьемся и выкупаемся», — подумал я.

Вдруг на вершине холма показался всадник. Он посмотрел на нас, потом повернул лошадь и спустился в долину. Мы остановились, но как только он скрылся из виду, продолжали путь. Не все ли было нам равно? Мы умирали от жажды и не боялись стрел врага.

* Семь звезд Большой Медведицы.— *Прим. перев.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Подымаясь на вершину холма, мы ждали нападения и держали наготове ружья. Но никто на нас не напал. Мы посмотрели вниз, на речную долину, и увидели одинокого всадника. Он переправился на противоположный берег и поскакал к низовьям реки.

— Ха! Не враг и не друг,— сказал отец.— Ему нет до нас дела.

Вдали, ниже места слияния двух рек, вился дымок: значит, кто-то раскинул там лагерь. Мать недоумевала, кто бы это мог быть, но я думал только о том, чтобы поскорее утолить жажду. Бегом спустились мы к реке. Измученные лошади, почуяв воду, насторожили уши и охотно последовали за нами. Пили мы долго, и никогда еще вода не казалась нам такой вкусной. Потом мы выкупались, сняли с лошадей поклажу и принялись за еду. У нас еще оставалось немного мяса. Поев, мы улеглись в тени деревьев, а отец караулил, пока мы спали. Когда стемнело, отец нас разбудил.

— Все спокойно,— сказал он,— но на закате солнца с низовьев реки донесли три выстрела.

Взяв наши одеяла, мы вошли в чащу леса и снова улеглись спать. Усталость еще давала о себе знать; есть нам не хотелось, и мы снова заснули. Заснул и отец.

Ночь прошла спокойно. На рассвете я проснулся, когда все еще спали. С берега реки снова увидел я дым, поднимавшийся над долиной. Лошади наши мирно щипали траву. Я вышел из лесу и увидел пять антилоп, которые паслись на поляне. Прячась в кустах, я подкрался к ним и пристрелил одну антилопу. Теперь у нас было мясо на завтрак.

Мы сытно поели, и усталость прошла бесследно. Думали мы, что люди, раскинувшие лагерь в долине, придут сюда, чтобы разузнать, кто мы такие, но никого не было видно. Солнце высоко стояло на небе, когда мы уложили наши вещи и снова тронулись в путь.

Переправившись через реку, мы увидели широкую тропу, ведущую к низовьям. Мы придерживались этой тропы, потом перешли вброд реку Горный Баран и, миновав тополевую рощу, наткнулись на форт белых людей, в точности походивший на тот, который построен был Ки-па при устье реки Марии. У самого форта был раскинут вигвам.

Пятеро белых с женами и детьми выбежали из форта, а из вигвама вышел еще один белый с женой. Привязав лошадей к дереву, мы направились к ним, а они с любопытством нас рассматривали. Белый, стоявший у входа в вигвам, выкрасил лицо и руки черной краской. Нас это удивило: оплакивая наших умерших, мы окрашиваем лицо и руки в черный цвет. Странным показалось нам, что и у белых есть такой же обычай.

Неприятно, когда смотрят на тебя в упор, а белые и их жены не спускали с нас глаз. Мы чувствовали себя связанными, и нам трудно было подойти к ним просто и поздороваться. Однако мы преодолели смущение, и все мужчины пожали руку отцу и мне. Таков обычай белых. Нелепый обычай! Впервые мы узнали о нем, когда побывали на севере у Красных Курток.

После того как все подержали нас за руку, белый человек, выкрашенный в черный цвет,— он был начальником форта,— спросил знаком, кто мы и откуда пришли. Отец ответил ему так же, как отвечал чейеннам: идем мы от пикуни, с которыми расстались навсегда.

Тогда белый человек пожелал узнать, где находятся сейчас пикуни и видели ли мы форт на Большой реке и начальника этого форта — человека, который взял в жены женщину из племени мандан. Отец отвечал, что в этом форте мы бывали не раз, начальник форта, Ки-па,—наш друг, и у него мы купили ружья; пикуни и большебрюхие ведут с ним торговлю и приносят ему шкурки бобров.

Такой ответ понравился белому человеку, выкрашенному в черный цвет. Он засмеялся, хлопнул в ладоши и сказал знаками:

— Я очень рад. Ки-па — мой близкий друг. Входите. Я вас угощу.

Мы вошли в дом. В первой комнате разложены были на полках товары белых людей, во второй комнате мы увидели большой очаг, на горячих угольях стояли горшки с пищей.

Белые один за другим умыли лицо и руки и утерлись белой тряпкой. Умылся и человек, выкрашенный в черный цвет. С удивлением смотрели мы на него: по нашим обычаям, человек, оплакивающий умерших, не должен умываться среди дня. Но еще больше мы удивились, когда увидели, что черная краска не смывается и даже не оставляет следов на белой тряпке. Неужели зрение нам изменило или краска эта была волшебной?

Одна из женщин заметила наши удивленные взгляды и что-то сказала своим друзьям. Все посмотрели на нас и стали смеяться, а женщина объяснила нам знаками:

— Он не похож на других белых людей. Это — «черный белый человек».

Вглядевшись в его лицо, мы убедились, что он отличается от белых не только цветом кожи. Волосы у него были короткие, черные, курчавые; губы толстые, синевато-красные, нос очень широкий, глаза большие, с блестящими белками. Женщина сказала правду: он не походил на других белых людей; это был «черный белый человек». Мы не могли решить, нравится он нам или нет*.

Женщины подали нам еду на тонких металлических тарелках, и мы поели супу, мяса и вареного маиса; маис выращивают на своих полях манданы. Потом отец мой беседовал и курил с белыми, и мы узнали, что они ждут со дня на день кроу, которые вели с ними торговлю. В продолжение нескольких месяцев кроу ловили бобров в верховьях реки Горный Баран. Мы решили остаться в форте и здесь встретиться с кроу. После полудня раскинули мы наш вигвам, сделав новые шесты из молодых тополей.

Вечером «черный белый человек» и его жена кроу пришли к нам в гости. Он расспрашивал нас о пикуни, хотел знать, почему мы с ними расстались. Сказал он, что пикуни — плохие

* Этот «черный белый человек» — на языке черноногих Сикс-ап-и-куан — несомненно был тем самым негром Джемсом Бекунтом, или Бекунтом, который долго жил с кроу, начиная с 1829 или 1830 года. Служащие Американской меховой компании считали его человеком двуличным: служа в компании, он в то же время подстрекал кроу к войне с белыми. Форт, где встретил его наш герой, — форт Касс, выстроенный Американской меховой компанией в 1832 году на южном берегу реки Иеллоустон, ниже места впадения в нее реки Горный Баран. — *Прим. авт.*

люди: всегда сражаются они с кроу, но смелыми воинами их не назовешь. Потом рассказал он нам, сколько раз водил кроу в бой и скольких пикуни убил. Не очень-то приятно было нам это слушать, но я обрадовался, заметив, что его рассказ рассердил отца. Это был добрый знак: хотя отец и бранил пикуни, но по-прежнему чувствовал себя одним из них.

Проходили дни, а кроу не появлялись. По берегам обеих рек водились бобры, и каждый вечер ставил я западни. Днем я охотился и привозил мясо в наш вигвам и в торговый форт.

Отец ничего не делал, был молчалив и хмур. Говорил он только о своих талисманах и лошадях и мечтал вновь отправиться в страну ассинибуанов.

Прошло около месяца. Однажды после полудня в долине показались кроу. Ехали они к низовьям реки и гнали тысячные табуны и много вьючных лошадей. Вождь, старшины кланов и старые воины далеко опередили процессию. Приблизившись к форту, они начали стрелять из ружей, приветствуя белых. Одеты они были в боевые костюмы, и я никогда еще не видел таких красивых нарядов. Их одежда, щиты и украшенные перьями головные уборы были не хуже, чем у пикуни.

Мы стояли у входа в вигвам и смотрели на подъезжавших кроу. Отец не вышел из вигвама. Кажется, он не знал, что ему делать. Не было у него ни лошадей, ни подарков для старшин, и он стыдился пойти к вождю и сказать: «Я бедняк. Сжался надо мной».

Воины сошли с коней неподалеку от нашего вигвама, с любопытством на нас посмотрели и, поздоровавшись с белыми торговцами, вошли в форт. Остальные начали раскидывать вигвамы на опушке леса и снимать с лошадей вьюки.

Как только вигвамы были раскинуты, мать достала подарки, которые Са-куи-а-ки поручила передать женщинам из племени арикари. Крикнув сестру и меня, она отправилась в лагерь кроу. О, как смотрели они на нас, когда мы проходили по лагерю, спрашивая знаками, где находится вигвам Пятнистой Антилопы! Одни ничего нам не отвечали, другие посылали в дальний конец лагеря. И никто не улыбнулся нам, никто не спросил, кто мы такие. Впоследствии я сообразил, что им незачем было спрашивать: по узорам на наших мокасинах они узнали в нас пикуни. Наконец обошли мы весь лагерь, и какая-то старуха указала нам вигвам Пятнистой Антилопы. Войдя, мы увидели молодую женщину, которая с удивлением на нас посмотрела, улыбнулась и предложила сесть.

Мы уселись, и мать знаками спросила ее:

— Ты из племени арикари?

— Да,— ответила женщина.

— Нет ли у тебя подруги из племени мандан, которую взял в жены белый торговец?

— Да, да,— быстро ответила она.— Где моя подруга? Ты ее видела?

Мать передала ей мешок с подарками, сказав, что их посылает ей подруга. Встретили мы ее на Большой реке, где ее муж строит торговый форт.

Красивой женщиной была эта арикари и, пожалуй, не старше, чем я. Когда она вынула из мешка одеяло, материю и бусы, лицо ее осветилось улыбкой.

Тогда мать сказала ей:

— Твоя подруга — также и моя подруга, и я прошу тебя — сжался над нами. Мы покинули наших соплеменников, потому что муж мой рассердился на них. Неприятельские отряды угнали наш табун, завладели талисманами моего мужа и всем нашим имуществом. Муж говорит, что мы должны жить с кроу. Но мы бедны, нет у нас подарков для старшин. Пожалей нас: поговори со своим мужем. Пусть он заступится за нас перед старшинами.

— Я тебе друг, не бойся,— ответила Женщина-Кроу.— Мой муж — старшина, и другие старшины прислушиваются к его словам.

Она достала из своего парфлеша новое красное одеяло и пояс, расшитый иглами дикобраза. Одеяло она подарила моей матери, а пояс — сестре. И тогда, сын мой, я подружился с Женщиной-Кроу, и дружба эта не прерывалась и по сей день. Но встретившись впервые в лагере кроу, мы и не предполагали, что на старости лет суждено будет нам жить здесь, вместе с Са-куи-а-ки, в лагере моего народа*.

Придя домой, мы увидели, что отец по-прежнему сидит понурившись в своем вигваме. Старшины вернулись из форта и разошлись по вигвамам, но никто не заглянул к отцу, никто не прислал ему приглашения выкурить вместе трубку. Это был дурной знак: если племя не захочет нас принять, если старшины нас прогонят, близок наш конец. Воины — те, что потеряли друзей и родных в битвах с нашими соплеменниками пи-

* С Женщиной-Кроу завязал я дружбу в дни моей молодости, проведенной в стране бизонов. Как и м-с Кипп Са-куи-а-ки, она относилась ко мне словно мать. Обе были женщины благородные и великодушные. В юности Женщина-Кроу была вместе со своей матерью захвачена в плен племенем кроу, впоследствии вышла замуж за одного из старшин — Пятнистую Антилопу. Позднее, в битве кроу с индейцами племени кровь, муж ее был убит, а она взята в плен. Один из индейцев этого племени женился на ней. В старости жила она в течение многих лет вместе с м-с Кипп — они были очень дружны. Умерла она в 1906 году, когда приехала в Дакоту навестить родное племя. Обе женщины были очень энергичны. В 1882 году, когда настала для пикуни, или южных черноногих, страшная «голодная зима», они пожертвовали все свои сбережения — около трех тысяч долларов, — пытались облегчить положение беспомощного народа. Больше пяти-сот человек умерло голодной смертью, раньше чем в Вашингтоне удостоили обратить внимание на тот факт, что племя вымирает.— *Прим. авт.*

куни,— выследят нас и убьют. Мать рассказала отцу о своем свидании с Женщиной-Кроу и упомянула о ее обещании нам помочь. Он усмехнулся и ответил, что в таких делах женщины плохие помощницы.

Медленно тянулось время. Настал вечер, и когда мы уже потеряли надежду завязать добрые отношения с кроу, в вигвам вошла Женщина-Кроу, а следом за ней ее муж, высокий грузный воин с веселым добродушным лицом. Нам он понравился с первого взгляда.

Присев на ложе из шкур, он знаками сказал отцу:

— Жена моя говорит, что вы хотите жить с нами.

— Да,— ответил отец,— мы хотим жить с кроу. Мы ушли от пикуни. В сердце моем злоба против них.

— Хорошо, я тебе помогу, а ты мне Расскажи, почему ты покинул свой народ и давно ли это случилось.

Отцу стыдно было рассказывать о том, как воины его отхлестали, поэтому он сказал только, что поссорился со старшинами, которые запретили ему охотиться на бизонов, а он нарушил этот запрет. Рассказал он также о наших злоключениях — о потере талисманов и двух табунов и о том, как пришлось нам бросить наши пожитки. Когда он закончил рассказ, пришел вестник от вождя кроу, которого звали Горб Бизона. Вождь звал отца в свой вигвам.

— Я уже говорил с ним о тебе и просил за тобой послать,— сказал Пятнистая Антилопа.— Пойдем к нему.

Они ушли, и мы долго их ждали. Женщина-Кроу осталась с нами и развлекала нас рассказами о своей жизни с кроу и о Са-куи-а-ки. Вернулся отец с Пятнистой Антилопой, и Женщина-Кроу ушла с мужем домой. Тогда отец рассказал нам о том, что произошло в вигваме вождя.

— Собрались там все старшины племени. Меня они заставили рассказать, почему я хочу жить с кроу и почему ушел от пикуни. Потом они долго совещались. Конечно, слов я не понимал, но догадывался, что трое отказываются меня принять, а Пятнистая Антилопа и Горб Бизона меня защищают, и остальные с ними соглашаются. Наконец трое недовольных должны были уступить, и вождь сказал мне знаками — хорошо объясняется он знаками: «Я и дети мои, здесь собравшиеся, говорим тебе: мы не любим пикуни, мы ведем с ними войну, тебя мы не знаем. Быть может, сердце у тебя доброе и язык твой говорит правду. Скоро мы узнаем, так ли это. Можешь раскинуть вигвам в нашем лагере и охотиться вместе с нами, а мы будем за тобой следить. Если мы увидим, что ты хороший человек, мы тебя примем в свою среду, и ты станешь кроу.

— Вспомни, как радушно приняли нас большебрюхие; кроу на них не похожи,— сказала мать.— Слушай, муж мой, и не сердись на меня за то, что я тебе скажу: если ты любишь своих детей и меня, будь осторожен. Держи язык за зубами, не

давай воли гневу, когда эти люди будут тебя раздражать. Если ты вспылишь, все мы погибли.

Нитаки и я удивились, услышав, как откровенно разговаривает она с нашим вспыльчивым отцом.

— Да, я буду осторожен. Я постараюсь задушить гнев,— спокойно ответил отец.

Так началась для нас новая жизнь в лагере кроу. Кое-кто из них относился к нам дружелюбно, но большинство не обращало на нас внимания, словно мы были собаками. Когда мы проходили мимо, они притворялись, будто нас не замечают. Отца редко приглашали на празднества и на собрания старшин, и один только Пятнистая Антилопа звал его в свой вигвам. Отец был обижен. Когда жили мы с пикуни, место его было среди старшин, так как все признавали его великим воином.

Через десять дней кроу покинули форт белых. Так же как пикуни, большебрюхие и другие племена, думали они только о том, чтобы купить товары белых торговцев. За эти товары они платили мехами и шкурами бизонов. Охота на бизонов привела мало-помалу к полному истреблению этих животных, которые доставляли нам пищу и кров, и когда мы стали бедняками, белые завладели нашей страной. Сын мой, если бы знали мы, какая ждет нас судьба, мы не позволили бы ни одному белому вторгнуться в нашу страну.

Шкурки пойманных мною бобров я обменял на трех лошадей; еще трех подарила нам Женщина-Кроу и ее муж, и теперь было у нас восемь лошадей. Я радовался, что не придется нам идти пешком, когда кроу снимутся с лагеря. Как-то вечером пришла в наш вигвам Женщина-Кроу и сказала, что старшины решили перебраться к реке Ракушке и там поставить западни на бобров. К реке Ракушке! Но ведь протекала она по стране нашего родного племени, и неподалеку от нее раскинули лагерь пикуни!

— Кроу не смеют идти туда! — воскликнул отец. — Это не их земля! Она принадлежит пикуни!

— Ну так что же? Ведь ты теперь не пикуни,— напомнила ему мать.

И отец опустил голову, не прибавив больше ни слова. Но позднее он завел об этом речь с Пятнистой Антилопой, сказал, что пикуни охотятся в долине Желтой реки, цепью гор отделенной от Ракушки, и посоветовал кроу не ходить в те края. Пятнистая Антилопа тотчас же уведомил об этом других старшин, и они собрались на совет.

От Женщины-Кроу узнали мы, чем кончилось совещание: старшины решили идти к реке Ракушке.

— Когда-то эта страна принадлежала нам,— сказали они,— пикуни ею завладели, потому что у них было много ружей, купленных на севере, у Красных Курток. Ну, что ж! Теперь и у нас, кроу, ружей много, и мы не боимся пикуни.

— Посмотрим, чем кончится дело,— сказал мой отец.— Кроу забывают о том, что пикуни соединятся с тремя другими племенами прерий, если начнется война.

Вместе с племенем кроу тронулись мы в путь; ехали мы той самой тропой, по которой пришли к форту. Счастье нам улыбнулось. Слушай, сын мой: в роще на берегу реки Ракушки мы нашли оставленные нами седла, постели и другие вещи. Но четыре наши вьючные лошади не могли тащить столько вьюков, и часть вещей мы отдали Женщине-Кроу.

Племя раскинуло лагерь у поворота реки, и мужчины занялись ловлей бобров. Теперь я был таким же искусным ловцом, как и мой отец, но каждое утро ходил он со мной осматривать западни. Он говорил, что боится отпускать меня одного, так как не доверяет кроу. Боялся он также оставить нас одних в лагере, чтобы самому сделать еще одну попытку отнять у ассинибуанов трубку и лошадей.

Я знал, что отец прав. Почти все кроу нас не любили. Но матери и сестре я не сказал об этом ни слова: видел я, что они и без того боятся кроу. Наш вигвам был раскинут рядом с вигвамом Пятнистой Антилопы, которого мы считали своим защитником, за хвостом и за водой мать всегда ходила вместе с Женщиной-Кроу. В лагере у меня не было друзей. Когда я встречался с подростками и юношами, они переглядывались и смеялись надо мной. Их языка я не понимал и рад был, что не понимаю. Вряд ли мог бы я терпеливо выслушивать ругательства, которыми они меня встречали. Я знал, что они смеются над моей бедной одеждой. Ну, что ж! Я был беден. Я носил простые кожаные штаны и кожаное летнее одеяло, а они щеголяли в матерчатых одеялах, носили красивые серьги, браслеты и зеркальца, привешенные к запястью. И работать им приходилось мало; они выгоняли лошадей на пастбище и больше ничего не делали, а я работал с утра до вечера. Нам нужны были лошади, и мы с отцом ловили бобров. Часто ходили мы на охоту и приносили мясо не только в наш вигвам, но и в вигвам Пятнистой Антилопы.

Ловля бобров шла удачно. Было у нас три западни. Утром мы вставали раньше всех и уходили подальше от лагеря, чтобы не встречаться с другими ловцами. Старательно ставили мы наши западни и часто шли по пояс в воде вдоль берега, чтобы не оставить на земле запаха, который мог отпугнуть зверьков. Вот почему набралось у нас бобровых шкурок больше, чем у других ловцов.

Но не могли мы состязаться с «черным белым человеком», жившим в лагере кроу. У него было тридцать западней, и он раздавал их ловцам — по две, по три на человека, требуя за это половину добычи. Сам он ничего не делал; нарядившись в лучшее платье, он садился у входа в вигвам, курил и рассказывал о стычках своих с врагами.

Отец его не любил и частенько говорил нам:

— Хотелось бы мне встретить этого хвастуна подальше от лагеря. Здесь он окружен друзьями и помощниками, но если мы сойдемся один на один, неизвестно, кто из нас окажется сильнее.

Около месяца прожили мы у поворота реки. Когда переловлены были почти все бобры, старшины собрались на совет. Одни хотели подняться к верховьям реки, другие — спуститься к низовьям и раскинуть лагерь неподалеку от устья реки Между Ивами.

После долгих споров решено было послать разведчиков к верховьям и к низовьям; им поручили узнать, где больше водится бобров. Из лагеря они выехали утром. В тот день мы с отцом запоздали, так как я долго отыскивал наших лошадей. Когда отправились мы смотреть наши ловушки, отряд разведчиков, направлявшихся к низовьям, уже покинул лагерь.

В нашем вигваме истощились запасы мяса. Завидев стадо антилоп, спускавшихся на водопой к реке, мы подкрались к нему и убили двух самцов. Содрав с них шкуру и вырезав лучшие куски мяса, мы продолжали путь. Первая западня оказалась нетронутой, во второй западне мы нашли бобра, вытащили его из воды и содрали с него шкурку, третья западня исчезла, но на берегу, у края откоса, мы увидели свежие отпечатки мокасинов. Широкая и еще сырая борозда осталась там, где тащили по откосу бобра и западню. Дальше земля была взрыта копытами трех лошадей. Три разведчика посланы были к низовьям, они опередили нас и украли нашего бобра и западню. О, как были мы возмущены и как беспомощны!

У кроу не было ни законов, ни правил, касающихся охоты. Мы не могли потребовать, чтобы воры были наказаны, и не могли наказать их сами. Взяв оставшиеся две западни и мясо убитых антилоп, мы печально поехали домой.

Войдя в вигвам, отец рассказал о потере западни и назвал кроу ворами, не признающими никаких законов. Но мать его перебила.

— Не понимаю, почему ты жалуешься, — сказала она. — Ты ушел от пикуни, потому что тебе не по вкусу пришлись их законы. Я думала — теперь ты доволен. Ты живешь с людьми, у которых нет никаких законов.

Жестокие это были слова, жестокие и правдивые. Как ты думаешь, сын мой, что ответил отец? Ничего! Не знал он, какой дать ответ, и промолчал.

Когда стемнело, в лагере поднялась суматоха. Воины бежали из вигвама в вигвам, перекликались, пели военные песни, громко о чем-то говорили. Очень хотелось нам знать, что случилось.

В вигвам заглянула Женщина-Кроу и объяснила знаками:

— Разведчики наткнулись на маленький лагерь пикуни в низовьях реки. Утром все наши воины спустятся к низовьям и нападут на лагерь. Я боюсь за вас. Когда они вернутся, вам несдобровать. Я хочу, чтобы завтра вы четверо переселились в наш вигвам.

— Сколько вигвамов насчитали разведчики? — спросил отец.

— Они говорят, что в лагере восемьдесят вигвамов.

Она направилась к выходу, потом оглянулась и сказала знаками:

— Не бойтесь. Я скоро вернусь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Ха! Восемьдесят вигвамов! Это клан Короткие Шкуры,— сказал отец.

— Короткие Шкуры! — шепотом повторили мы трое.

Это был наш родной клан. В него входили все наши родственники по отцу.

— Да, конечно, Короткие Шкуры,— продолжал отец.— Ни один клан никогда не разбивает лагеря отдельно. Какие они безумцы, что подошли так близко к стране кроу! Жена, дети, наше место с ними. Ночью мы должны пробраться к ним, предупредить о наступлении кроу и принять участие в битве. Восемьдесят вигвамов! Сто пятьдесят воинов против всего племени кроу! Мало надежды на победу.

— Как же мы проберемся к ним? — спросила мать.

— Ночью, когда в лагере все заснут, мы потихоньку выйдем из вигвама, поймем четырех лошадей и поедем к низовьям реки.

— А все наши вещи придется здесь оставить,— сказала мать.— Перед уходом я их отдам Женщине-Кроу.

— Нет, этого ты не сделаешь,— возразил отец.— Я не хочу, чтобы из-за нас она попала в беду. Ее обвинят в том, что она нас предостерегла.

— Верно! Об этом я не подумала,— согласилась мать.— И она и ее муж были нашими защитниками и друзьями.

В это время снова заглянула к нам Женщина-Кроу.

— Я боюсь, как бы меня здесь не увидели,— сказала она.— Завтра я вам помогу.

Она ушла. Мы снова встретились с ней лишь через много зим.

Мать и сестра вынули из парфлешей все свои вещи и пересмотрели их. Они хотели надеть лучшие платья, хотя бы в этих платьях пришлось им умереть. Отобрав кое-какие мелочи, а также шила, иголки, нитки, они решили взять с собой два узелка. Остальные вещи они, вздыхая, уложили снова в парфлешу и старательно завязали ремешки. Я не понимал, зачем они это делают, если все наши пожитки приходится оставить в вигваме.

— Прикройте угли золой,— приказал им отец.

Долго сидели мы в темноте и ждали, когда лагерь погрузится в сон. Тревожные мысли мелькали у меня в голове. Успеем ли мы предупредить пикуни? Будет ли завтра бой? Где встретим мы следующую ночь? Быть может, в стране Песчаных Холмов! *

Казалось нам, крики и песни не смолкнут до утра. Наконец кроу улеглись спать, и погасли костры в вигвамах. Взяв наши ружья и четыре веревки, мы с отцом выползли из вигвама и, припав к земле, стали прислушиваться. Ничто не нарушало тишины. Луны не было, но при свете звезд мы видели, что никого поблизости нет. Мы осторожно встали и, обойдя вокруг вигвама, убедились, что за нами не следят. Из соседнего вигвама донесся голос Пятнистой Антилопы: он разговаривал во сне.

Отец вернулся за матерью и сестрой, и вчетвером мы покинули лагерь и вошли в рошу. За рошей начиналось пастбище, где паслись табуны. Мы поймали четырех лошадей. Конечно, это были ленивые, старые выючные лошади. Быстрые, горячие кони не подпустили бы нас к себе.

Седел у нас не было, уздечки мы заменили веревками. Так как река в этом месте делала поворот, то мы, желая сократить расстояние, выехали на равнину. Лошадей мы хлестали концами веревок, били их пятками, заставляя перейти в галоп. Тяжело было матери и Нитаки скакать без седла на этих старых лошадях, но они не жаловались.

Рассвело, а мы еще не спустились к низовьям реки.

* Уйти в страну Песчаных Холмов — умереть.— *Прим. перев.*

— Быстрее! Быстрее! — кричал отец. — Сейчас кроу ловят своих коней.

Мать и Нитаки устали погонять ленивых кляч, и мы с отцом подхлестывали не только своих, но и их лошадей. Вдали показался дым костров.

Взошло солнце, когда мы увидели вигвамы. Лагерь был раскинут неподалеку от того места, где впадает в реку Ракушку речонка Между Ивами. Кроу не ошиблись: мы насчитали восемьдесят вигвамов. Подъехав ближе, мы разглядели священные рисунки на них, — это были вигвамы клана Короткие Шкуры.

«Сто пятьдесят воинов против всего племени кроу! — подумал я. — Нет надежды выиграть битву».

Кто-то увидел нас издали, поднял тревогу, и все население лагеря высыпало нам навстречу.

— Берите ружья! — кричал отец. — Приведите лошадей! Приближаются кроу.

Забыты были все обиды. Глаза отца сверкали. Пикуни встретили его так, словно он никогда их не покидал.

Когда он прыгнул с лошади, Белый Волк обнял его, улыбнулся нам и спросил:

— Кроу! Где они? Когда придут сюда? Сколько их?

— Сюда идет все племя! — ответил отец. — Нам остается только бежать. Нас слишком мало, чтобы драться с ними. Скорее! На коней!

— Брат! Или рассудок твой помутился? — удивился Белый Волк. — Виданное ли это дело, чтобы пикуни бежали от кроу! Сколько раз мы с ними сражались — и всегда побеждали!

— Да, но теперь нас мало. Одни Короткие Шкуры не могут...

— Но мы не одни, здесь все наше племя, — перебил его Белый Волк. — Остальные кланы раскинули вигвамы за поворотом реки, а мы поднялись выше, потому что здесь хорошие пастбища.

О, как я обрадовался! А отец, размахивая ружьем, воскликнул:

— Зовите же их! Скорее! Пусть кто-нибудь их предупредит. Повеселимся мы сегодня!

Один из подростков вскочил на лошадь и поскакал в главный лагерь. Воины разошлись по своим вигвамам и надевали боевые уборы, а мальчики пригнали лошадей. Мы четверо вошли в вигвам Белого Волка. У моего отца не было боевого наряда, и Белый Волк дал ему свой головной убор из шкурок ласточки, украшенный двумя рогами. Лицо и руки он выкрасил священной красно-бурой краской. Я последовал его примеру.

— Зачем ты это делаешь? — воскликнула мать. — Ты не пойдешь в бой вместе с воинами.

— Почему? У меня есть тайный помощник,— возразил я.
— Да, он пойдет с нами. Жена, не бойся! Радуйся, что твой сын хочет за тебя сражаться,— сказал отец.

И мать умолкла.

Пригнали лошадей. Белый Волк дал нам двух прекрасных коней, и не успели мы их взнуздать, как прискакали воины из главного лагеря. Топот копыт напоминал раскаты грома.

Громко приветствовали они моего отца, со всех сторон раздавались крики: «Ок-йи Ни-таи Стум-ик!» Все улыбались, все были рады его видеть. А он видел их радость, и лицо его осветилось улыбкой, когда он отвечал на приветствия: «Ок-йи, братья!»

С отрядом старшин приехал и Одинокий Ходок. Обняв моего отца, он сказал:

— Я рад, что ты сегодня с нами. Расскажи нам о кроу. Где они? Много ли их?

— Мы жили в их лагере, у поворота реки Ракушки,— ответил отец.— Вчера их разведчики наткнулись на лагерь Коротких Шкур, но главного лагеря они не видели. Сегодня все племя кроу придет сюда, чтобы стереть с лица земли эти семьдесят вигвамов. Скоро будут они здесь.

— Добрые вести! Добрые вести, дети мои! — воскликнул Одинокий Ходок.— А теперь посоветуемся, как нам получше их встретить. Одинокий Бизон, что ты скажешь?

Снова, как и в былые времена, обратился он за советом к моему отцу, первому воину нашего племени. И все, затаив дыхание, ждали, что скажет отец.

Зорко окинул он взглядом долину реки и твердо сказал:

— Пусть не знают враги, что нас много и мы их ждем. Пусть наши старики сидят у входа в вигвамы. Женщины будут как ни в чем не бывало дубить кожу и присматривать за детьми. Мальчики отведут лошадей в дальний конец лагеря. Мы, воины, разобьемся на два отряда: один отряд спрячется в лесу, на берегу реки Ракушки, другой — в зарослях у речонки Между Ивами. Я уверен, что враги спустятся в долину между этими реками и поскачут прямо к лагерю, так как не ждут они засады. И когда они проедут мимо нас, мы нападём на них с тыла.

— А что, если они не спустятся в долину и подъедут к лагерю с другой стороны? — спросил Одинокий Ходок.

— Мы выслали караульных. Они нас известят, какой путь избрали кроу,— возразил Белый Волк.

И все старшины признали план моего отца удачным.

Стариков усадили у входа в вигвамы, женщинам приказали заниматься обычной работой. Так как в маленький лагерь Коротких Шкур пришли все женщины и дети из главного лагеря, то им велели спрятаться в вигвамы: слишком густо населенный лагерь мог возбудить подозрения у кроу. Стариков из

главного лагеря заставили изображать воинов нашего клана. Они сидели отдельными группами между вигвамами, делая вид, будто беседуют и курят, но оружие находилось у них под рукой, и почти у каждого старика хватило бы силы натянуть лук.

Закончены были все приготовления, и мы с нетерпением ждали кроу. Но ждать нам пришлось долго. Солнце высоко стояло на небе, когда с холма спустился караульный и объявил о приближении кроу. Направлялись они к долине между двумя реками, а далеко позади ехали женщины на лошадях, впряженных в травуа. На этих травуа думали они увезти домой добычу из нашего лагеря. Это известие нас развеселило. По-видимому, кроу не сомневались в победе.

— Займем поскорее наши места! — крикнул один из воинов.

— Нет, еще рано, — возразил отец. — Подождем, когда они спустятся в долину.

Вскоре прибежал второй караульный и возвестил, что кроу спускаются с холмов в долину.

Одинокий Ходок вопросительно посмотрел на отца.

— Не пора ли нам спрятаться? — сказал он.

— Да, пора! — отозвался отец.

Он повел отряд воинов к зарослям, окаймлявшим речонку, а Одинокий Ходок со своим отрядом спрятался в лесу. Мы притаились в кустах и не смели пошевелинуться. Отец должен был дать сигнал к наступлению и повести свой отряд в бой.

Сын мой, я невольно залюбовался этими кроу, рысью слушававшимися с холмов в долину. Пышные боевые наряды отливали всеми цветами радуги. Длинные хвосты их головных уборов из орлиных перьев развевались по ветру. Каждый воин держал в левой руке щит, окаймленный перьями. Даже лошадей они покрыли краской и разукрасили орлиными перьями, выкрашенными в желтый, красный, синий и зеленый цвет. И было их много — больше тысячи человек, и каждый держал наготове лук или ружье. Я боялся их! Казалось мне, нам не удастся остановить эту лавину людей.

Ехали они молча, но когда старики, женщины и дети, увидев их, разбежались с воплями в разные стороны, они запели боевую песню, и голоса их звучали как раскаты грома.

Лошадь моя стояла в кустах рядом с лошадью отца. Он, вытянув шею, следил за приближающимися врагами и удерживал воинов, готовых броситься в атаку. Знаками он говорил им: «Рано! Еще рано!» Мы должны были выскочить из засады, когда враги пройдут мимо нас.

Мы ждали, посматривая то на отца, то на кроу, скакавших между рекой и речонкой. Были они еще далеко от нас, когда непредвиденный случай разрушил хитро задуманный план моего отца.

Слева от меня сидел на большом вороном жеребце воин Красное Перо. Жеребец этот был выдрессирован для скачек; горячий и порывистый, он на скачках всегда приходил первым. И сейчас, заслышав топот копыт и возгласы кроу, решил он, по-видимому, что начались скачки. Он кружился на месте, выгибал шею, мотал головой, а Красное Перо напрягал все силы, чтобы его сдержать. Но лошадь оказалась сильнее всадника. Она поднялась на дыбы, рванулась вперед и, выскочив из зарослей, понеслась навстречу врагам. Красному Перу грозила смерть. Мы должны были спешить ему на помощь.

Когда раздался боевой клич отца, мы выехали из зарослей, хотя кроу находились слишком далеко, чтобы стрелы наши могли долететь до них.

Завидев нас, враги еще громче запели и стали хлестать коней. Вот тогда-то из леса выехал Одинокый Ходок со своими воинами. Этого кроу не ждали. Они поняли, что разведчики их ошиблись и сражаться им предстоит не с одним кланом, а со всеми пикуни. Они попали бы в западню, если бы не вырвалась из зарослей лошадь. И кроу обратились в бегство. Старшины, воины, юноши — все повернули своих коней и поскакали в ту сторону, откуда приехали. А мы гнались за ними.

Сказать ли тебе всю правду?.. Сын мой, стыдно мне признаться, но в те дни лошади у кроу были лучше, чем у нас. Кроу часто делали набеги на племена, жившие в стране вечного лета, и угоняли табуны быстрых и сильных коней. А у нас лошади были низкорослые: мы их отняли у племен, живших по ту сторону гор.

Ясно было с самого начала, что не догнать нам главного отряда кроу. Однако мы не отказались от погони. Те из кроу, у которых лошади были похуже, начали отставать, а мы, стреляя из луков и ружей, отправляли их в страну теней. Впереди скакали четверо пикуни: мой отец на лучшей лошади Белого Волка, Одинокый Ходок на своей вороной кобыле, Оперенный Хвост и Красное Перо на вороном жеребце. Мы же заметно отстали. Когда мы поднялись на склон равнины, я увидел вдали Женщину-Кроу: бросив травуа, она ехала назад к реке Ракушке.

Кое-кто из нас, видя, что погоня бессмысленна, повернул назад, остальные упорствовали, надеясь, что кроу в конце концов устыдятся, остановятся и примут бой. Но не тут-то было! Кроу думали только о бегстве, а всех отставших мы уже убили.

Мы хотели вернуться в лагерь, как вдруг заметили вдали лошадь, бившуюся на земле. Подле нее стоял воин с ружьем. Мы подскакали к нему. Должно быть, у лошади его была сломана нога, а товарищи бросили его на произвол судьбы.

Мой отец опередил Одинокого Ходока и Красное Перо. Как узнал я впоследствии, он настойчиво повторял:

— Это мой враг! Оставьте его мне! Оставьте его мне!

— Да, да! Он твой! — кричали ему в ответ.

Сын мой, каково было мне в эти минуты! Отец мчался к врагу, который целился в него из ружья. «Долго преследовала нас судьба, но самое худшее случится сегодня», — думал я.

Ближе, ближе подъезжал отец к кроу. То наклонялся он к шее лошади, то свешивался с седла, чтобы не служить легкой мишенью. Внезапно загремел выстрел, но пуля попала не в отца, а в лошадь. Пронзительно заржав, она поднялась на дыбы и упала. Но отец уже спрыгнул на землю и бежал к врагу. На бегу он выстрелил — не в кроу, а вверх, в небо.

Силы обоих противников были равны — оба разрядили ружья. Сжав руками дуло, они держали оружие высоко над головой, как держат боевую дубинку. Кроу стоял как вкопанный. Отец подбежал к нему, не спуская глаз с ружья. Он хотел, чтобы враг ударил первый. Держа ружье косо над головой, он ждал. Кроу с размаху опустил ружье, но оно скользнуло по ружейному стволу, не задев отца. Тогда отец, бросив свое оружие на землю, схватил обеими руками ружье кроу и завладел им.

Этот кроу не был трусом: он не дрогнул. Неподвижно стоял он и смотрел на отца. Я его узнал — это был старшина клана. Звали его Болотный Лось. Когда мы жили с кроу, он обращался с нами как с собаками. Женщина-Кроу советовала отцу остерегаться этого человека и избегать с ним ссор.

«А теперь он за все заплатит!» — подумал я.

— Убей его! Убей! — кричали отцу пикуни.

Но отец не нанес удара. Медленно отступил он назад и поднял свое ружье.

— Нет, я его не убью! — крикнул он нам. — И вы не убьете. Он — мой. Я хочу, чтобы он жил.

И знаками сказал он кроу:

— Ступай домой. Ступай и думай день и ночь о своем позоре. Помни: я, с которым ты обходился как с собакой, — я беру у тебя ружье и дарю тебе жизнь. Ступай!

Кроу повернулся и побрел по равнине. Знали мы, что свой позор уносит он с собой: соплеменники его видели издали все, что произошло, и отныне не бывать ему старшиной. Отец мой совершил великий подвиг. Да, величайшим подвигом считается отнять оружие у врага, если враг не ранен и полон сил.

Молча следили мы за кроу, который плелся, опустив голову и сгорбившись. Жуткое это было зрелище: наш враг из вождя превратился внезапно в человека, не имеющего власти, потерявшего почетное место в среде своих соплеменников.

Восторженные крики толпы пикуни прервали тишину.

— Одинокий Бизон! Великий воин! — приветствовали воины отца.

Лошадь отца была убита, и мы поехали вдвоем на моей лошади. Кто-то запел песню победы, мы подхватили хором и пели не умолкая, пока не подъехали к лагерю.

Проезжая по равнине, мы насчитали девятнадцать убитых кроу, а у пикуни не было ни раненых, ни убитых. Старики, женщины, дети выбежали нам навстречу, выкрикивая наши имена, и благодарили Солнце за победу; женщины плакали от радости. Сколько похвал выпало на долю моего отца! Его воспевали пикуни как первого воина нашего племени. Долго толпились они вокруг него, наконец он вырвался от них и вошел в вигвам Белого Волка, чтобы поесть и отдохнуть.

Измученные бессонной ночью, мы четверо спали до вечера. Днем пикуни перенесли свои вигвамы к вигвамам нашего клана. Разведчиков послали узнать, что делают кроу.

В сумерках Белый Волк стал созывать гостей на пир, и вокруг нашего костра собрались лучшие воины племени, и среди них Одинокый Ходок и Глаза Лисицы. Когда отпировали и трубка пущена была вкруговую, Одинокый Ходок попросил отца рассказать о наших скитаниях. Отец повиновался и говорил долго, перечисляя все наши злоключения.

Тогда сказал Одинокый Ходок.

— Брат, мы надеемся, что ты останешься с нами.

Отец посмотрел ему прямо в лицо и ответил:

— Я стыжусь самого себя. Был я глупее малого ребенка. Я хочу остаться с вами. Я признаю все законы нашего народа и буду им подчиняться.

— Твои слова наполняют сердце мое радостью,— сказал Одинокый Ходок.— Брат, ты потерял все. Я дарю тебе пять лошадей.

И все воины, находившиеся в вигваме, последовали примеру вождя, и мы получили в подарок тридцать пять лошадей.

Утром женщины принесли нам кожаную покрывку для вигвама, мягкие шкуры для постелей, парфлеша с сушеным мясом, пеммиканом и сушеными ягодами. Принесли они также седла для вьючных лошадей, лассо и посуду. К вечеру были у нас все необходимые вещи. Нам подарили две западни, и теперь, мы снова могли ловить бобров для Ки-па.

На следующее утро вернулись разведчики и объявили, что кроу покинули долину Ракушки и держат путь на юг, в свою страну. Больше мы их не видели.

Мы ловили бобров в речках, которые берут начало в Снежных горах. Потом мы двинулись на север и снова раскинули вигвамы возле форта Ки-па.

Белый торговец устроил пир для наших старшин. Когда мужчины закурили трубку, мать сказала, что Са-куи-а-ки зовет нас четверых в свою комнату. Мы встали и пошли на зов.

В дверях отец остановился и воскликнул от удивления: прямо перед ним висела на стене его священная трубка —

Трубка Грома. Он не верил своим глазам. Повернувшись к Са-куи-а-ки, пытался что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

Са-куи-а-ки сняла со стены трубку, завернутую в куски меха, бережно положила на его протянутые руки.

— Возьми ее. Она твоя,— сказала она.

— Где ты ее нашла? — спросил отец.

— Ки-па послал говорящую бумагу начальнику форта на реке Иеллоустон и просил отыскать трубку. Он купил ее у того самого ассинибуана, который ее похитил,— знаками ответила она.

— Я за нее заплачу! С радостью заплачу! Сколько лошадей? Сколько шкурок? — спросил отец.

— Тише! Другьям не платят.

И отец подчинился ей.

— Ха! Так вот что вы затеяли, вот о чем беседовали в форте Ки-па,— сказал я матери.

И, улыбаясь сквозь слезы, она кивнула головой.

На этом, сын мой, я закончу свой рассказ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	50
Глава седьмая	59
Глава восьмая	67
Глава девятая	76
Глава десятая	86

Джемс Виллард Шульц

ОШИБКА ОДИНОКОГО ВИЗОНА

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художественный редактор *М. Ф. Лохманова*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *Т. К. Кузина*

Т-00704. Сдано в производство 2/Х 1958 г. Подписано в печать 5/І 1959 г.
Формат 60 X 92¹/₁₆. Физических листов 6. Печатных листов 6. Издательских листов 5,37.
Тираж 225 000 экз. Заказ № 4121. Цена 1 р. 60 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз
Типография «Красный пролетарий», Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия

«Путешествия. Приключения. Фантастика»

Вышли в свет:

- А. Бомбар. За бортом по своей воле. 1958, ц. 3 р. 55 к.
Ж. Верн. Необыкновенные приключения экспедиции Барсака. 1958, ц. 3 р. 15 к.
Ю. Давыдов. Южный Крест. 1957, ц. 1 р. 35 к.
Г. Даррелл. Перегруженный ковчег. 1958, ц. 3 р. 15 к.
Э. Гленвилл. Нгоньяма-желтогривый. 1958, ц. 2 р. 20 к.
Л. Жаколио. Берег черного дерева и слоновой кости. 1958, ц. 3 р. 60 к.
И. Забелин. Встречи, которых не было. 1958, ц. 3 р. 15 к.
С. Иванов. Без дорог. 1958, ц. 2 р. 75 к.
А. Казанцев. Гость из Космоса. 1958, ц. 5 р. 75 к.
А. Конан-Дойль. Маракотова бездна. 1958, ц. 1 р. 35 к.
Д. Конрад. Зеркало морей. 1958, ц. 2 р. 65 к.
Д. Корбетт. Кумаонские людоеды. 1957, ц. 3 р. 20 к.
Д. и Б. Крайл. За подводными сокровищами. 1958, ц. 3 р. 40 к.
Э. Лендж. В джунглях Амазонки. 1958, ц. 1 р. 40 к.
Д. Лондон. Путешествие на «Снарке». 1958, ц. 3 р. 25 к.
К. Майтингер. Охота за головами на Соломоновых островах. 1957, ц. 5 р. 90 к.
Г. Мелвилл. Тайпи. 1958, ц. 2 р.
М. Пашек. Ловцы жемчуга. 1957, ц. 2 р. 15 к.
Ф. Проспери. На Лунных островах. 1957, ц. 3 р. 75 к.
К. Расмуссен. Великий санный путь. 1958, ц. 2 р. 20 к.
В. Ровинский. Мятажный корабль. 1957, ц. 2 р. 80 к.
Ж. Рони-старший. Борьба за огонь. 1958, ц. 2 р. 50 к.
Н. Тихонов. Вамberi. 1957, ц. 60 коп.
Э. Сетон-Томпсон. Рольф в лесах. 1958, ц. 2 р. 90 к.
А. Фидлер. Тайна Рио-де-Оро. 1958, ц. 2 р. 45 к.
А. Фрич. Приключения охотника в Гран-Чако. 1958, ц. 2 р. 25 к.
Д. Шульц. Ловец орлов. 1958, ц. 1 р. 60 к.
Д. Шульц. Сын племени навахов. 1958, ц. 1 р. 65 к.

Готовятся к печати:

- Р. Амундсен. Моя жизнь.
М. Главса. Спящий пробуждается.
З. Гонэйм. Потерянная пирамида.
Р. Иззард. По следам снежного человека.
Д. Корбетт. Леопард из Рудрапраяга.
Е. Крепс. На «Витязе» к южным островам Тихого океана.
Ч. Майер. Как я ловил диких зверей.
К. Монро. Перо фламинго.
Ж. Рони-старший. Вамирэх.
И. Рыжов. К заоблачному озеру.
Д. Скотт. Ледниковый щит и люди на нем.
Г. Тазиев. Кратеры в огне.

1 р. 60 к.

ГЕОГРАФИЗ.1959